

COINS FROM THE NECROPOLIS OF DRUZHNOYE

N.I. Khrapunov

The article analysis 12 Roman and 1 Bosporan coins excavated from the necropolis of Druzhnoye in Crimea, Ukraine. This necropolis was made by the Sarmatians and the Alans in the third and fourth centuries AD. It contained 89 funeral constructions: burial vaults, undercut graves, and pit graves. Coins did not make common grave goods. The coins that laid in situ are uncovered from two child's and one woman's burials. Bosporan coin dates to ca. 250 — early 340s. Roman coins divide into two groups: 4 silver *antoniniani* of AD 241/43-257/68 and 8 bronze *folles* of AD 295/99-321/24. The former were minted in Rome (3 pieces) and Milan or Siscia (1), the latter in mints of Asia Minor (7) and in Thessalonica (1). This situation corresponds to what is observed in the other barbarian necropoleis in the south-western part of Crimea. The reason(s) why most of these sites did not contain Roman coins minted, first, between Gallienus and Diocletian, and, second, after the death of Constantine I, is still disputable. The source(s) from which the coins came to the south-west of Crimea is unclear as well. There is some background to relate this source to the Greek city of Chersonese in the south-western tip of Crimea.

© 2008 г.

И.Н. Храпунов

СКЛЕП IV В. Н.Э. ИЗ МОГИЛЬНИКА НЕЙЗАЦ*

Могильник Нейзац расположен в центральной части крымских предгорий, приблизительно в 25 км к востоку от Симферополя, в долине реки Зуя. Он был открыт в 1927 г., когда Н. Л. Эрнст доследовал три разграбленных крестьянами склепа. В 1957 и 1959 гг. еще три склепа зачистили сотрудники Института археологии АН УССР. Регулярные раскопки памятника ведутся с 1996 г. На площади более 3,5 тысяч кв. м раскопано 323 погребальных сооружения, в том числе 56 склепов, 107 подбойных и 160 грунтовых могил. Многие погребальные сооружения некрополя разграблены. Из всех исследованных склепов грабители, древние или современные, не побывали менее чем в десяти. Грабители пытались проникнуть и в склеп № 4, однако они не смогли разобрать заполнение погребальной камеры, состоявшее из огромных каменных глыб. Поэтому останки погребенных и погребальный инвентарь сохранились *in situ* почти полностью. Результаты раскопок этого склепа публикуются в данной статье.

Склеп № 4 состоял из входной ямы, дромоса и погребальной камеры (рис. 1). Прямоугольная в плане входная яма ориентирована с юго-запада на северо-восток. Ее размеры 2,5х1,0 м, глубина от современной дневной поверхности 2,15–3,0 м (дно понижается по направлению ко входу в дромос). Значительная

* Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных исследований Министерства образования и науки Украины.

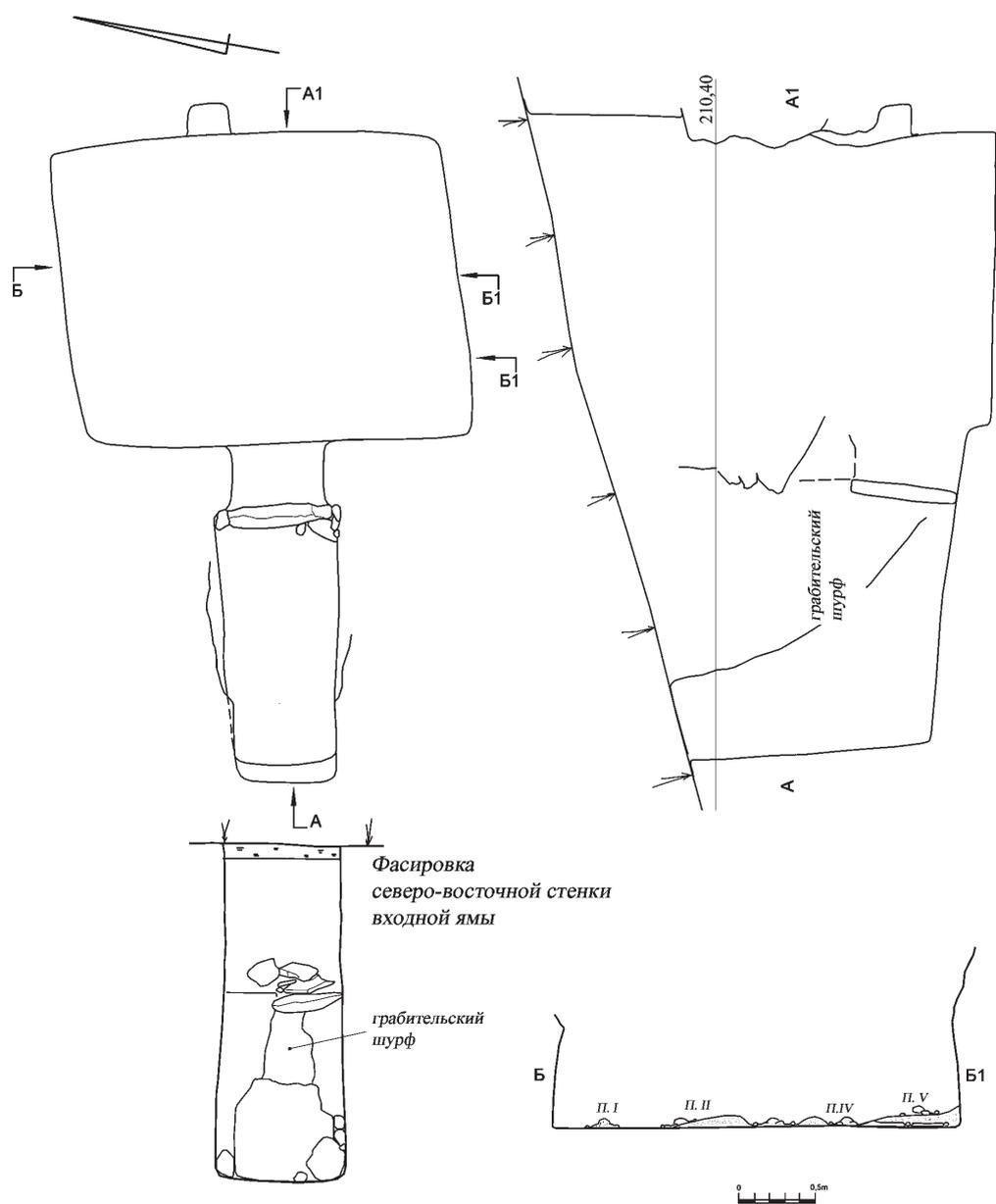

Рис. 1. План и разрезы склепа № 4

часть заполнения входной ямы была выбрана грабителями. В грабительской яме найдены четыре серебряные накладки на ремни (рис. 4, 16–18, 21).

Вход в дромоса сделан в северо-восточной стене входной ямы. Его закрывала массивная, поставленная вертикально плита и несколько более мелких камней. Над плитой пробито отверстие, через которое грабители попали в погребальную камеру. Над этим отверстием образовалось скопление камней, рухнувших в грабительский лаз. Среди них найдены краснолаковый (рис. 13, 4) и стеклянный (рис. 16, 2) кувшины.

Размеры дромоса 0,55x0,8 м. Его пол расположен на 0,2 м выше пола погребальной камеры. Погребальная камера прямоугольная в плане, размером 3,65x2,8 м. В стене противоположной входу, на высоте 0,75 м от пола вырублена ниша размером 0,4x0,3 м, высотой 0,35 м. Потолок погребальной камеры не сохранился, но, вероятно, он начинался сразу над нишей, таким образом, его высота несколько превышала 1,2 м.

Строители склепа, очевидно, натолкнулись на естественный скальный грот и, подрубив, использовали его в своих целях. Позднее свод грота рухнул, поэтому на глубину более 4,0 м от современной дневной поверхности образовался сплошной завал каменных глыб, заполнивших погребальную камеру. Это обстоятельство помешало грабителям. Пробив отверстие над входом, они смогли расчистить от камней и разграбить только северо-западный угол склепа. При этом были уничтожены нижние части ног двух погребенных и, очевидно, унесены некоторые вещи, в том числе и те, что были найдены во входной яме.

В погребальной камере обнаружены останки шести погребенных (рис. 2). Все они были похоронены в вытянутом положении на спине. Пятеро ориентированы головами на северо-восток. Иными словами, лежали ногами ко входу. Они пронумерованы от северо-западной к юго-восточной стене погребальной камеры.

На месте плеч погребенного I лежало по мечу. Меч на правом плече (рис. 7, 1) был направлен концом к груди, а на левом (рис. 7, 3) — в противоположную сторону. На месте живота обнаружен железный топор (рис. 6, 3) и рядом с ним — обломки деревянного предмета, возможно, рукояти. Там же найдены фрагментированные железная (рис. 3, 15) и бронзовая (рис. 3, 6) фибулы. На правую руку был надет бронзовый браслет (рис. 4, 13), на тазовых костях лежала янтарная бусина (рис. 3, 3), рядом — серебряная пряжка (рис. 4, 10). На кости левой руки и рядом с ней находились два железных гвоздя (рис. 5, 5; 9, 4), у левого колена — железная пряжка (рис. 5, 12), приблизительно на уровне разрушенных грабителями стоп — бронзовая пряжка (рис. 4, 3). За черепом погребенного, у стены погребальной камеры находились лепные (рис. 13, 1, 2; 15, 1, 4) и краснолаковые (рис. 12, 4; 13, 3; 17, 4–6) сосуды, три амфоры (рис. 10, 1; 2; 15, 2), железный нож (рис. 8, 5) и кость животного.

Справа от погребенного II расчищен длинный железный меч (рис. 7, 4). Его рукоять находилась почти на уровне колен, а конец — почти на уровне плеча. Еще один меч (рис. 7, 5) лежал на первом, под углом к нему, концом к ногам погребенного. На тазовых костях найдена железная пряжка (рис. 4, 28), справа от них — еще одна пряжка (рис. 5, 11). Между бедренными костями лежало бронзовое кольцо с «шишечками» (рис. 4, 5), чуть ниже колен, слева — желез-

Рис. 2. План погребальной камеры.

1, 59, 63, 105 – пряжки бронзовые; 2, 31, 35, 55, 87, 95 – пряжки железные; 3, 14 – пряжки серебряные; 4, 58, 66, 70 – бусы; 5 – браслет бронзовый; 6, 64 – фибулы железные; 7 – фибула бронзовая; 8 – топор железный; 9, 11, 13, 15, 33, 36 – мечи железные; 10, 40, 62, 68, 74, 92, 97, 98 – предметы железные; 12, 22, 37, 46, 50, 75, 81, 83, 89, 99, 101 – ножи железные; 16, 19, 23, 45, 100 – амфоры; 17, 24, 25, 27, 29, 84, 88, 94 – сосуды лепные; 18, 20, 21, 26, 28, 56, 67, 69, 73, 76 – 78, 80, 82, 85, 106 – сосуды краснолаковые; 30, 102, 104 – гвозди железные; 32 – кольцо бронзовое; 34, 38, 39, 44, 103 – сосуды стеклянные; 41 – подвески височные серебряные; 42 – изделия стеклянного фр-т; 43 – накладка бронзовая; 47, 48, 53, 54 – накладки серебряные; 49 – кольцо с зажимом серебряное; 51, 52, 96 – удила железные; 57, 86, 90, 91 – пряслица керамические; 60 – предмет бронзовый; 61, 65 – шилья железные; 71 – кольцо с зажимом бронзовое; 72 – точильный камень; 79 – сосуд гончарный сероглиняный; 93 – перстни серебряные.

ный нож (рис. 8, 2), справа — раздавленный стеклянный сосуд (рис. 16, 6). Погребение II было совершено таким образом, что его правая часть оказалась на полу погребальной камеры, а левая — на глинистом слое, образовавшемся, вероятно, в результате осыпания потолка.

На месте левого плеча погребенного III найдены железные фибула (рис. 4, 27) и шило (рис. 5, 3), у тазовых костей, между бедрами — бронзовая пряжка (рис. 4, 4). Под ноги, ниже колен был подложен плоский камень.

На месте груди погребения IV, слева найдены стеклянная (рис. 3, 13) и гагатовая (рис. 3, 18) бусины, а также янтарные подвески (рис. 3, 20–22, 24, 25, 27–32) и бронзовое кольцо с зажимом (рис. 4, 19). Справа от локтя правой руки лежал точильный камень (рис. 5, 8), слева от левой ноги — два керамических пряслица (рис. 4, 1; 5, 20). Слева от погребения и на нем самом находились лепные (рис. 11, 6, 7), гончарный сероглиняный (рис. 11, 3) и краснолаковые (рис. 11, 4, 5; 12, 5; 14, 2, 3; 17, 1) сосуды. Некоторые из них стояли на дне, другие лежали на боку, третьи были перевернуты вверх дном. Рядом с ними найдены железные ножи (рис. 5, 16; 8, 3, 6), железный крюк (рис. 9, 6) и обломки двух серебряных перстней со стеклянными вставками (рис. 3, 9, 14). На месте живота стояло краснолаковое блюдо (рис. 14, 5), в нем находились железные гвозди (рис. 9, 1–3, 5, 8, 10–12), ножи, причем от одного из них сохранилась костяная ручка (рис. 5, 17; 8, 8) и обломок еще одного железного предмета с черенком (рис. 5, 10).

Погребение V совершено на слое, образовавшемся, вероятно, в результате осыпания потолка и стены погребальной камеры. Справа от челюсти расчищено ожерелье, состоявшее из гагатовых (рис. 3, 1, 2) и янтарных (рис. 3, 4, 5) бус и подвесок. На левую руку упал краснолаковый кувшин (рис. 12, 2), еще левее лежал обломок железного предмета (рис. 8, 4). Справа от правого колена обнаружены пряслица (рис. 5, 19) и кость животного. Слева от ног стояло краснолаковое блюдо (рис. 11, 1), в нем, кроме костей животного, лежали нож (рис. 8, 1) и мелкие обломки стеклянного сосуда.

Под слоем, на котором было совершено погребение V, на полу обнаружены лежавшие в анатомическом порядке кости ног лошади. Другие лошадиные кости были сдвинуты в юго-западный угол погребальной камеры. На них лежала амфора (рис. 10, 2). Рядом находились железные пряжки (рис. 5, 2, 6; 9, 9) и удила (рис. 6, 4).

Погребение VI располагалось перпендикулярно всем остальным, вдоль северо-восточной стены погребальной камеры, головой на юго-восток. На месте груди находилось ожерелье из бус (рис. 3, 7, 8, 10–12), на правом плече — пряслица (рис. 5, 18), справа от плеча — серебряная накладка на ремень (рис. 4, 8), в районе живота — серебряное кольцо с зажимом (рис. 4, 6). Скопление предметов обнаружено в области таза. Среди них — пара серебряных, украшенных позолоченной фольгой и сердоликовыми вставками, височных подвесок (рис. 3, 23, 26), две пары железных удил с бронзовыми зажимами (рис. 6, 1, 2), две серебряные ременные накладки (рис. 4, 20, 23), железные гвоздик (рис. 5, 7), шило (рис. 5, 4) и стержень с оболочкой из органического материала (рис. 5, 1), бронзовые пряжка (рис. 4, 25) и пластинчатый предмет с загнутыми краями (рис. 3, 17) Справа от погребения, у стены погребальной камеры лежали две се-

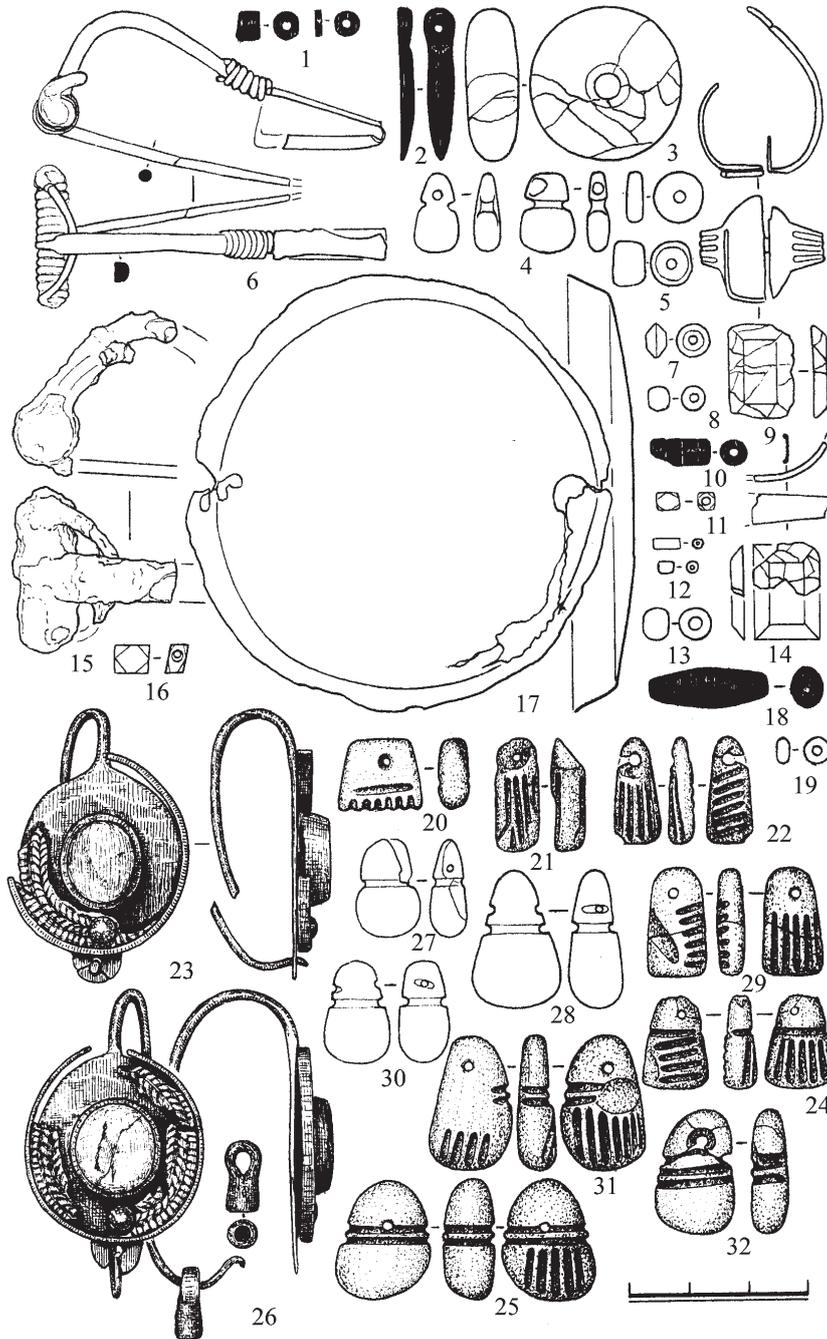

Рис. 3. погребальный инвентарь.

1 — бусы гагатовые; 2, 18 — подвески гагатовые; 3, 5, 19 — бусы янтарные; 4, 20 — 22, 24, 25, 27—32 — подвески янтарные; 6 — фибула бронзовая; 7, 8 — бусы стеклянные; 9, 14 — перстни серебряные со стеклянными вставками; 15 — фибулы железной фр-т; 16 — бусина сердоликовая; 17 — предмет бронзовый; 23, 26 — подвески височные серебряные

ребряные ременные накладки (рис. 4, 9, 15), железные пряжка (рис. 4, 26) и нож (рис. 8, 9), краснолаковая миска (рис. 12, 3), амфора (рис. 10, 3) и кость животного. У той же стены погребальной камеры, под нишей лежал плоский камень. Под ним найдены нож (рис. 8, 7), обломки стеклянного сосуда и кость животного. На камне находились фрагменты стеклянного сосуда (рис. 16, 4), рядом с камнем — меч (рис. 7, 2), лежавший на кости животного.

Среди каменных глыб заполнивших погребальную камеру, примерно на 1,0 м выше уровня пола обнаружены различные предметы. В том числе, краснолаковое блюдо (рис. 11, 2) с лежавшим в нем бронзовым навершием (рис. 4, 7), разбитые стеклянные сосуды (рис. 17, 2, 4; 15, 3; 16, 1–3, 5), накладки из бронзы (рис. 4, 22, 24) и серебра (рис. 4, 11, 17), бронзовая пряжка (рис. 4, 12), обломки железных изделий (рис. 5, 9, 14, 15), монета (рис. 9, 14) и еще одно, напоминающее монету, бронзовое пластинчатое изделие (рис. 9, 13).

Обнаруженный в склепе погребальный инвентарь позволяет высказать некоторые суждения о его датировке и культурной принадлежности.

Фibuла бронзовая (рис. 3, 6). По классификации А. К. Амброза принадлежит группе 16, подгруппе 2, серии I, варианту 4.¹ К этому варианту А. К. Амброз отнес прогнутые подвязные двучленные фибулы, длина которых превышает 7 см. Их главное отличие от остальных фибул серии I — большие размеры, по остальным признакам могут относиться к любому из трех остальных вариантов серии. Дата — IV в. н.э.

Наша фибула несколько уступает по размерам (ее длина 6 см) застегкам варианта 4, собранных А.К. Амбромом. Однако она заметно больше фибул всех других вариантов серии I. По другим признакам (кроме размеров) близка варианту 1 той же серии. Фибулы этого типа распространяются в Крыму со второй половины III в. н.э.²

Фibuла железная (рис. 4, 27). Двучленная с узкой ножкой, так называемая воинская.

Близка, но не аналогична бронзовым фибулам группы 17, подгруппы 1 по классификации А. К. Амброза.³

Несколько аналогичных железных фибул найдены в комплексах IV в. н.э. могильника Дружное. За пределами Крыма известна лишь одна такая находка на Нижнем Дону,⁴ что позволило предположить их местное производство по черняховским образцам⁵. Любопытная «воинская» фибула найдена в некрополе Танаиса, в погребении гуннского времени. Ее корпус изготовлен из железа, а игла и пружина из бронзы.⁶

Вероятно, к тому же типу принадлежала еще одна фибула, от которой сохранился только обломок (рис. 3, 15).

Пряжки бронзовые (рис. 4, 2, 4, 12) и *серебряные* (рис. 4, 10, 14). Обладают признаками, характерными для IV в. н.э.: у них овальные, утолщенные в передней части рамки и загнутые за рамку, ступенчато срезанные в тыльной части язычки.

У двух пряжек имеются признаки более раннего времени. Их язычки не загнуты, а лишь немного выступают за рамки. На тыльных сторонах язычков имеются прямоугольные площадки. Площадка на язычке одной из пряжек украшена шестью насечками, образующими крест, заключенный в квадрат (рис. 4, 3). Щиток другой пряжки (рис. 4, 25) скреплен двумя, а не тремя за-

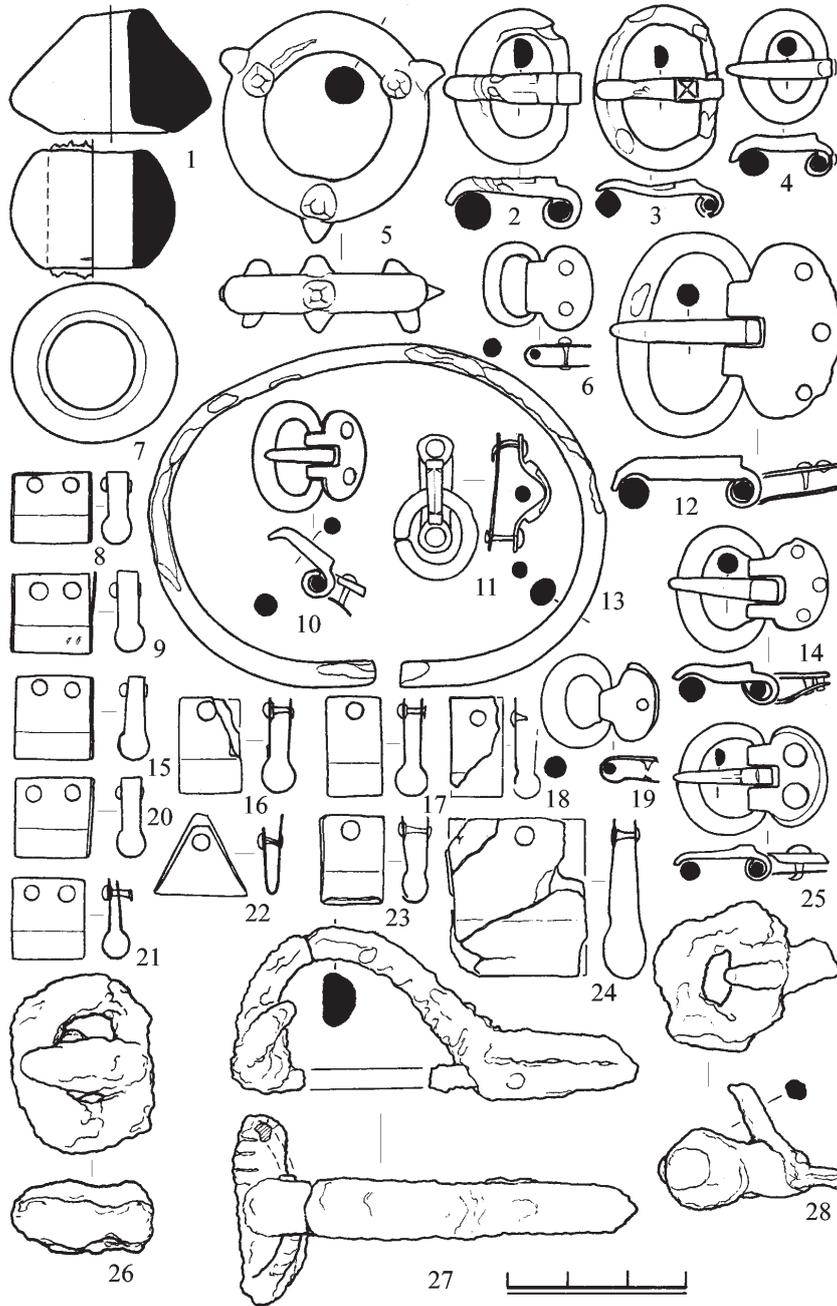

Рис. 4. Погребальный инвентарь.

1 – пряслице керамическое; 2–4, 12; 25 – пряжки бронзовые; 5 – кольцо бронзовое; 6 – кольцо с зажимом серебряное; 7 – навершие бронзовое; 8, 9, 11, 15–18, 21, 23 – накладки серебряные; 10, 14 – пряжки серебряные; 13 – браслет бронзовый; 19 – кольцо с зажимом бронзовое; 20, 22, 24 – накладки бронзовые; 26, 28 – пряжки железные; 27 – фибула железная

клепками, что, по мнению А. А. Васильева и А. Н. Дзиговского, также является ранним признаком⁷. Правда, две заклепки имеются и на щитке другой пряжки, обладающей всеми признаками IV в. н.э. (рис. 4, 10).⁸

Накладки на ремни. Они четырех типов.

1). Из согнутой пополам, соединенной двумя заклепками металлической пластины с валикообразным расширением в месте перегиба. Четыре из них серебряные (рис. 4, 8, 9, 15, 21), одна — бронзовая (рис. 4, 20).

2). Сделанные по такой же схеме серебряные накладки, но они более узкие и соединены одной заклепкой (рис. 4, 16–18, 23).

3). Сделанная по той же схеме крупная бронзовая накладка с одной заклепкой (рис. 4, 24).

4). Накладка бронзовая треугольная, сделанная из согнутой пополам пластины, соединенной заклепкой (рис. 4, 22).

Подобные накладки впервые появляются в «Золотом кладбище» в Прикубанье, известны в северокавказских комплексах III в. н.э., в IV в. н.э. широко распространяются на Дону и в Крыму, на полуострове продолжают использоваться и в V в. н.э.⁹

Эти накладки не всегда надевались на ремень, иногда ими оковывали края деревянных чаш.¹⁰ Деревянная тарелка, окованная серебряными накладками, найдена и в склепе № 306 могильника Нейзац. Однако в нескольких накладках из склепа № 4 сохранился кожаный тлен.

Кольца с зажимами — серебряное (рис. 4, б) и бронзовое (рис. 4, 19).

Девять подобных изделий найдено в могильнике Дружное. В публикации этого могильника приведены аналогии из степных сарматских и крымских памятников. Они позволяют установить, что кольца с зажимами использовались во II–IV вв. н.э.¹¹ Не учтенные в публикации могильника Дружное кольца с зажимами найдены в склепе № 2 IV в. н.э. могильника Красный Мак,¹² в склепе № 20 гуннского времени могильника Совхоз 10,¹³ в склепе № 2 IV в. н.э. могильника Курское.¹⁴

Кольца с зажимами, обнаруженные в склепе № 4, использовались, вероятно, как детали одежды. Об этом позволяет судить их местоположение на костяках, в одном случае на месте груди, в другом — на месте живота, а также наличие кожаного тлена в одном из зажимов.

Накладка (рис. 4, 11). Состоит из двух серебряных пластин, скрепленных двумя заклепками и бронзового кольца, заключенного между ними. Одна из них изогнута, ступенчато срезана у уплощенных концов и фасетирована. Между пластинами сохранились остатки дерева.

Две такие накладки (одна из них без кольца) найдены в склепе № 2 IV в. н.э. могильника Курское.¹⁵ В Керчи, в склепе на Тарханной дороге найдена очень похожая на нашу изогнутая серебряная пластинка с плоскими концами, в которые вставлены заклепки (вторая пластина и кольцо, по-видимому, не сохранились).¹⁶ Керченские склепы традиционно датируют гуннским временем. Однако в склепе на Тарханной дороге найдены явно более ранние вещи: индикация монеты Лициния (308–324 гг.), деградированный статер Фофорса (286–308 гг.), одночленная и двучленная лучковые фибулы, изделия в стиле

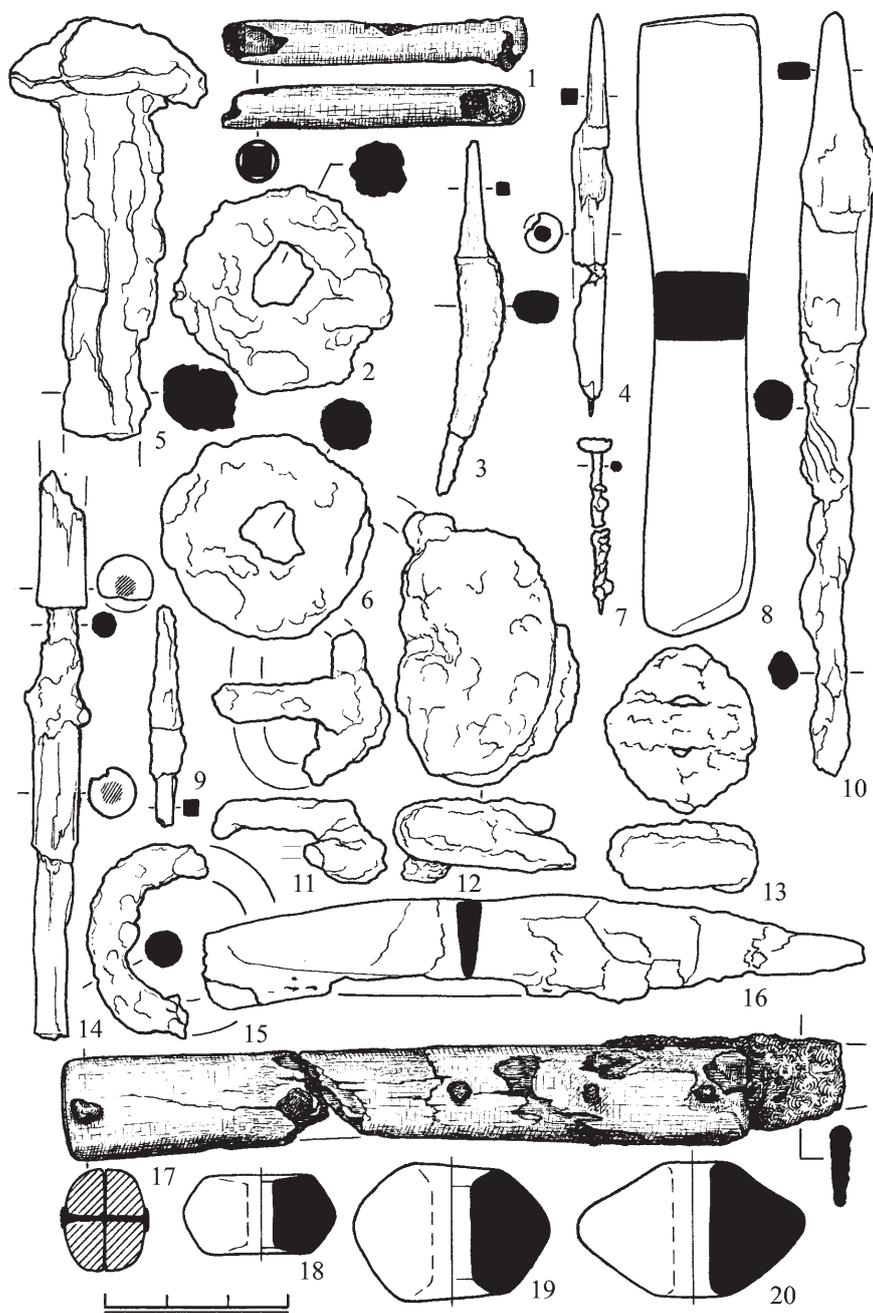

Рис. 5. Погребальный инвентарь.

1 — стержень железный в оболочке из органического материала; 2, 6, 11–13 — пряжки железные; 3, 4, 14 — шилья железные; 5, 7 — гвозди железные; 8 — камень точильный; 9, 10, 15 — предметы железные; 16 — нож железный с остатками кожаных ножен; 17 — нож железный с костяной рукоятью; 18–20 — керамические пряслица

«раннего клуазоне». К гуннскому времени можно уверенно отнести только серьгу с четырнадцатигранником.¹⁷

Подобная, но отличающаяся в деталях железная вещь найдена в погребении 1 кургана 7 могильника Градешка в Северо-Западном Причерноморье.¹⁸ Погребение датируется второй половиной III¹⁹ или первой четвертью IV в. н.э.²⁰ Это изделие, также как и находка из Нейзаца, крепилось к деревянной основе.

Навершие бронзовое (рис. 4, 7) шаровидное с остатками дерева внутри.

Навершие, возможно, принадлежало одному из мечей и было перемещено при подзахоронении (оно найдено в краснолаковом блюде). Правда, поздне-сарматские мечи с подобными навершиями не известны. Навершия изготавливались, как правило, из различных пород камня, хрусталя, стекла, янтаря и т.д., очень редко — из бронзы, но тогда они совсем иных форм. К тому же навершия исчезают у мечей, датируемых временем более поздним, чем середина III в. н.э. Однако в склепе № 4, если не считать мечей, нет вещей, на которые можно было бы надеть публикуемое навершие.²¹

Бронзовые навершия, но иной, удлиненной формы, найдены в склепах IV в. н.э. Суворовского могильника. Они интерпретируются как навершия нагаек.²² Наше навершие отличается от находок в могильнике Суворово шаровидной формой, большими размерами и массивностью. Навершие аналогичное суворовским найдено в Луганской области, в подкурганном склепе IV в. н.э. Авторы публикации этого комплекса полагают, что навершие, наряду с несколькими другими мелкими изделиями, представляет собой деталь бурдюка.²³ Бронзовое навершие найдено и в Инкерманском могильнике, но непонятно в какой могиле.²⁴

Кольцо бронзовое (рис. 4, 5), украшенное тремя рядами рельефных выступов («шишечек») по три штуки в каждом.

Среди многих колец с «шишечками», найденных в могильниках римского времени, есть и такие, где «шишечки» сгруппированы по три. Например, в склепе № 92 усть-альминского могильника с материалами преимущественно I в. н.э.,²⁵ в подбойной могиле № 91 некрополя Неаполя с материалами II в. н.э.,²⁶ в подбойной могиле № 208 могильника Нейзац с материалами второй половины II — первой половины III в. н.э. Однако точных аналогий публикуемое кольцо не имеет. Его отличает, во-первых, наличие всего трех групп «шишечек» (как правило, их бывает по пять-шесть), во-вторых, то, что вершины «шишечек» заострены. По три группы «шишечек» имеется на некоторых трансильванских находках (тип I/2 по классификации I. Glodariu), но и там они круглые, не заостренные.²⁷ То же можно сказать о кольце из юго-восточной Польши, которое обнаружено в комплексе с вещами второй половины V — начала VI в. н.э. и является, таким образом, самой поздней находкой такого типа.²⁸ Общепринятая до недавнего времени точка зрения о латенском происхождении идеи украшать изделия в виде колец или браслетов выступами-«шишечками»²⁹ подвергнута критике. Д.В. Журавлев, правда, в очень осторожной форме, выдвигает предположение о непрерывной линии развития подобных вещей в Северном Причерноморье начиная со скифского времени, при возможном фракийском влиянии.³⁰

Перстни серебряные пластинчатые.

Один из перстней (рис. 3, 9) украшен тремя бороздками. Его незамкнутые концы раскованы в виде трапециевидных щитков. К щитку было прикреплено прозрачное бесцветное стекло, имевшее форму усеченной пирамиды.

От второго перстня сохранилось такое же стекло и мелкие обломки (рис. 3, 14).

Однотипные, украшенные бороздками перстни (тип IVб) найдены в каменном ящике XIV (вместе с монетой IV в. н.э.), в могилах №№ 216 и 240 могильника Совхоз 10.³¹

Перстень такой же формы, но без стекла обнаружен в могильнике Суворово.³² Очень похожий перстень происходит из склепа №1/1984 могильника Дружное.³³ Перстень из могилы № 20 в Дружном относится к тому же типу, но имеет заметные отличия: он более широкий, без бороздок, украшен не стеклом, а сердоликом.³⁴

В целом, можно сказать, что перстни, у которых раскованные незамкнутые концы образуют щиток, были весьма распространены в Крыму в позднеримское время. Иногда, как в нашем случае, они у щитка орнаментировались бороздками. Щитки украшались приклеенными стеклами или, реже, сердоликами. Но чаще всего таких украшений не было, что, кстати сказать, позволяло изменять диаметр перстня в зависимости от размера пальца. Наличие стеклянного украшения такой возможности не оставляло.

Серьги серебряные.

1). Состоит из дужки и щитка. Замок сделан в виде крючка, которым заканчивается проволочная дужка и петельки, припаянной к щитку. Щиток круглый, покрыт серебряной позолоченной фольгой, которая крепилась, вероятно, двумя гвоздиками (сохранился один). В центре щитка, в напаянном гнезде укреплен круглый сердолик. Край щитка украшен мелкими насечками. Сохранившийся обрывок фольги орнаментирован по внешнему краю тремя рядами тисненых жгутиков (рис. 3, 23).

2). Отличается от предыдущей только надетой на дужку серебряной подвеской (рис. 3, 26).

Судя по месту расположения на костяке ребенка и по сохранившемуся на серьгах толстому слою кожного тлена, они были помещены в мешочек, подвешенный к поясу.

Четыре пары сделанных в том же стиле серег найдены в могильнике Дружное. Все — в склепах IV в. н.э.³⁵ Три пары подобных серег обнаружены в чернореченском могильнике, все в подбойных могилах. Могилы №№ 3 и 9 надежно, в том числе и монетами, датированы серединой — второй половиной III в. н.э. Инвентарь могилы № 2 «узкой» даты не имеет, но в ней обнаружены янтарные восьмерковидные подвески, аналогии которым в Крыму происходят исключительно из комплексов IV в. н.э.³⁶ Еще одна пара серег со щитками, покрытыми фольгой с тисненым орнаментом, найдена в могиле № 75 могильника Совхоз 10 с монетами Гордиана III (238–244 гг.) и Филиппа Араба (244–249 гг.). Возможно, также были украшены еще какие-то серьги, отнесенные авторами публикации к типу I, но из описаний и рисунков невозможно понять, как были украшены их щитки.³⁷ Две серьги найдены в могиле № 14 могильника Опушки. Серьги сделаны в одном стиле, украшены тисненой фольгой и стеклянными

вставками, но они не парные, отличаются друг от друга орнаментом и другими деталями. Вместе с ними находилась янтарная восьмерковидная подвеска (материал не опубликован).

В Дружном найдены три серебряных браслета, щитки которых, также как у серег, покрыты фольгой, украшенной тисненым орнаментом. Два браслета происходят из подбойной могилы середины III в. н.э., один — из склепа IV в. н.э.³⁸ Браслет того же типа обнаружен в упоминавшейся уже могилы № 9 чернореченского могильника вместе с украшенными аналогичным образом серьгами³⁹.

Стилю, в котором сделаны публикуемые серьги, посвящена специальная статья⁴⁰. В ней определены, в пределах второй половины III–IV в. н.э., его хронологические рамки, описан ареал сделанных в этом стиле вещей, в каталоге собраны описания всех известных ко времени написания статьи находок. Учитывая новый материал, можно сделать некоторые дополнения. Основываясь на ограниченном количестве доступных им находок, С.А. Яценко и В.Ю. Малашев отнесли все украшения из предгорного Крыма к своей хронологической группе I (вторая половина III в. н.э.). Теперь ясно, что дату следует расширить, включив в нее IV в. н.э. Самый любопытный вывод, касающийся крымских находок, можно сделать, просмотрев приложенный к статье каталог, и он подтверждается всеми новыми находками. В варварских могильниках предгорного Крыма обнаружены исключительно украшения, покрытые тисненой фольгой с сердцевидными или стеклянными вставками. Там нет ни оружия, ни деталей конской сбруи, ни пряжек орнаментированных подобным образом и найденных на Боспоре, на Северном Кавказе, на Нижнем Дону, в Северо-Западном Причерноморье. За пределами Крыма не известны как раз украшения, сделанные в подобном стиле. Таким образом, перечисленные выше серьги и браслеты, а также два предмета невыясненного назначения, но также, несомненно, являющиеся украшениями, из могильников на Черной речке⁴¹ и Суворово⁴², в совокупности следует признать характерной особенностью культуры населения предгорного Крыма позднегерманского времени.

С.А. Яценко и В.Ю. Малашев полагают, что покрытые тисненой фольгой украшения для жителей юго-западного Крыма производили в Херсонесе. Это вполне логично, если исходить из ареала находок. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в Херсонесе ни серьги, ни браслеты до сих пор не найдены. Зато есть пряжки, а также матрица, с помощью которой выдавливали узоры на фольге, покрывавшей детали конской сбруи найденные, например, в Подонье. Ни сбруей, ни пряжками, украшенными в обсуждаемом стиле, население предгорного Крыма не пользовалось. Об этом можно судить уверенно, так как в этом ареале найдены тысячи пряжек и деталей конской сбруи, но все они сделаны в ином стиле.

К особенностям серег из склепа № 4, не отмеченным в других случаях, следует отнести наличие серебряной подвески на одной из них, а также место находки — на поясе, вероятно, в кожаном мешочке.

Удила железные.

1) Двусоставные, концы грызл загнуты, в них вставлено по железному кольцу. К каждому из колец прикреплено по два двупластинчатых железных зажима. В один из зажимов вставлено железное кольцо (рис. 6, 1).

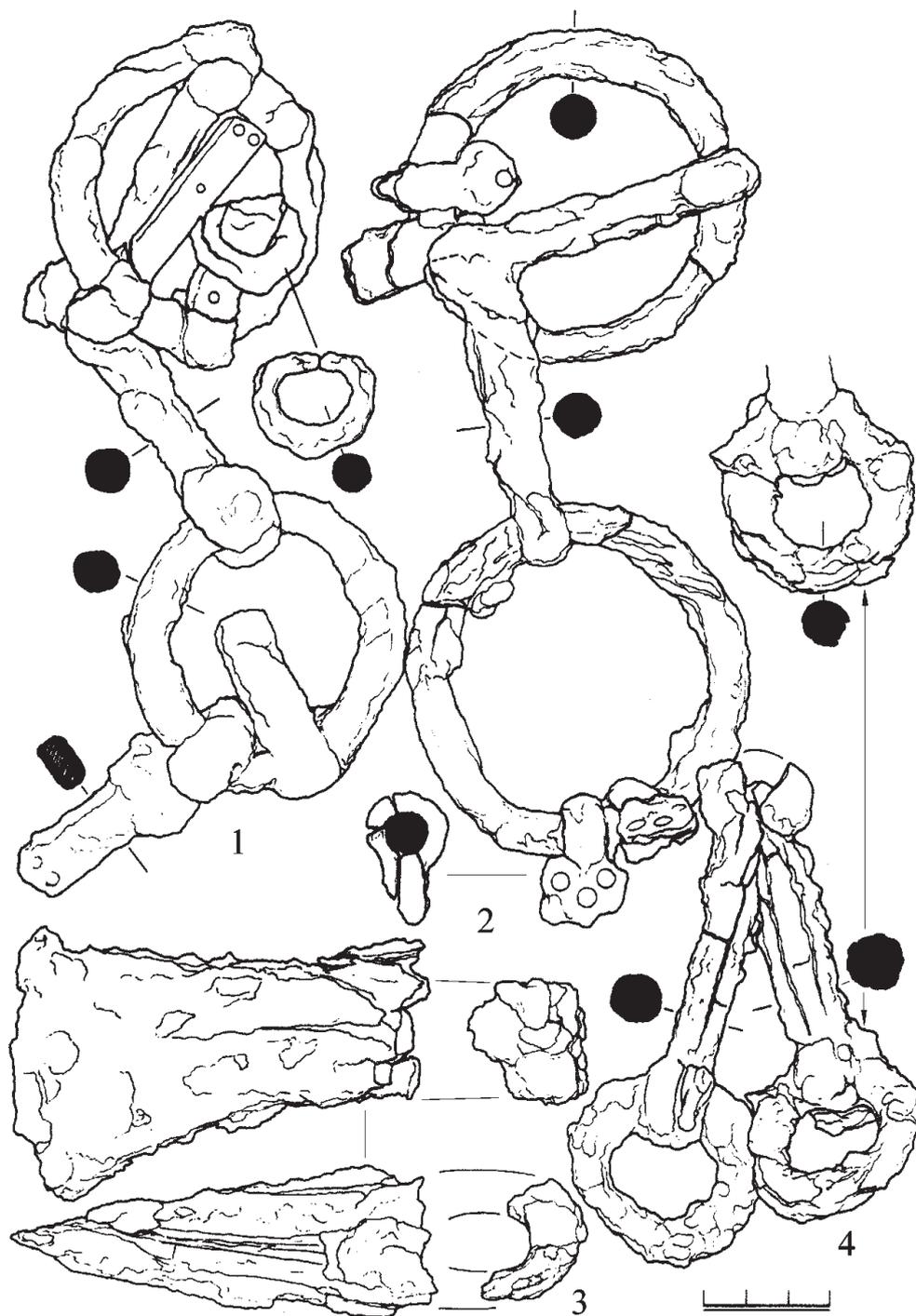

Рис. 6. Погребальный инвентарь.
1, 2, 4 – удила железные; 3 – топор железный

2). Двусоставные, концы грызл загнуты, в них вставлено по железному кольцу. На кольцах сохранились остатки зажимов (на одном кольце двух, на другом — одного). Лучше других сохранившийся зажим представляет собой кольцо, концы которого уплощены и соединены тремя заклепками (рис. 6, 2).

3). Двусоставные, концы грызл загнуты, в них вставлено по железному кольцу (рис. 6, 4).

Такие удила как № 3 многократно находили в погребениях синхронных публикуемому⁴³. Зажимы на кольцах удил в сарматское время встречаются редко⁴⁴. В предгорном Крыму железные удила с зажимами найдены в подбойной могиле № 114 Битакского могильника. Они датируются II в. н.э. и отличаются от нейзацких значительной длиной зажимов, а также тем, что к каждому кольцу удил крепился только один зажим⁴⁵. В погребениях IV в. н.э. в Крыму удила с зажимами до сих пор не находили.

Зажимы на кольцах удил широко распространяются в гуннское время. Их, как правило, бывает по два на кольце, в одном крепился ремень повода, в другом ремень оголовья. Кольца сарматских удил отличаются от гуннских большим (5–8 см) диаметром⁴⁶. В нашем случае кольца небольшого (4,5 см) диаметра от удил № 3 сочетаются с удилами №№ 1 и 2, где диаметр колец достигает соответственно 7,4 и 7,0 см. Наиболее близкую аналогию из комплексов гуннского времени удилам № 1 представляет находка из разрушенного погребения у с. Федоровка, а удилам № 2 — из погребения у дер. Муслимово⁴⁷.

Топор железный (рис. 6, 3) с прямым верхним краем, овальной проушиной и серповидным лезвием.

Топоры в крымских памятниках позднеимского времени встречаются не часто⁴⁸. Все они соответствуют типу 2 цебельдинских топоров⁴⁹ и отличаются от нейзацкого экземпляра, главным образом, выделенным обухом.

Публикуемый топор, не имеющий выделенного обуха, относится к одному типу почти со всеми топорами черняховской культуры⁵⁰. Именно этот экземпляр может свидетельствовать о северо-западных связях населения крымских предгорий IV в. н.э. В то же время, в полной мере сохраняются сомнения в общепринятой точке зрения о германском происхождении всех северопричерноморских топоров позднеимского времени. Они основаны на явных типологических отличиях между черняховскими топорами с одной стороны, и крымскими и цебельдинскими с другой, а также на находках топоров с выделенным обухом на северопричерноморских памятниках, датирующихся временем более ранним, чем готские походы⁵¹.

Любошицкая культура, наверное, самая богатая на находки топоров в Европе, дает несколько изделий с выделенным обухом (тип «В» по классификации Г. Доманьского), но их намного меньше, чем топоров иных типов. Эта культура синхронна могильнику Нейзац, но по погребальному обряду и всем видам инвентаря отличается от крымских памятников позднеимского времени⁵². По классификации Г. Киферлинга нейзацкий топор может быть отнесен к западной серии группы 5. Топоры этой серии римского времени и начала эпохи переселения народов обнаружены на территории вельбарской, черняховской, пшеворской культур, на Эльбе, в юго-западной Германии и в Богемии⁵³.

Гипотеза о местном, причерноморском происхождении топоров с выделен-

ным обухом, которые и были главным образом распространены в Крыму в позднеримское время, представляется более обоснованной, чем тезис об их появлении в Северном Причерноморье из германского ареала. Топор из склепа № 4 в этом смысле является исключением. Его находка как раз позволяет судить о германо-сарматских контактах.

Мечи без металлического перекрестия. Два коротких (рис. 7, 2, 3) и два длинных (рис. 7, 4, 5). На каждом из них видны следы дерева от ножен.

Длинные мечи относятся к типу 3 по А. М. Хазанову. Из-за плохой сохранности трудно определить ко 2 или 3 типу относятся короткие мечи. Эти мечи представляют собой самый распространенный в позднесарматское время тип оружия⁵⁴. Длинные мечи обладают главным признаком, отличающим мечи второй половины III–IV вв. н.э. от более ранних, у них широкие (5–6 см) клинки⁵⁵. Длинные мечи встречены в нескольких погребениях могильника Нейзац⁵⁶.

Не вполне понятно положение мечей по отношению к погребенным (рис. 2). Один из них, несомненно, лежал на левом плече погребенного I. На месте другого плеча этого погребенного зафиксирован меч с вырезами у пяты клинка. Как правило, концами мечи бывают направлены в ту же сторону, что и голова погребенного. В данном случае, конец меча направлен в противоположную сторону. Поэтому вполне вероятно, что меч лежал у стены склепа, как и другой экземпляр, и был перемещен на место плеча погребенного случайно. Один из длинных мечей лежал вдоль погребенного II, справа. Положение его необычно тем, что рукоять была направлена в ту же сторону, что и ноги погребенного. Как правило, длинные мечи клали рукоятью в сторону головы, то есть так, как их носили при жизни, подвешенным к портуpee. Другой длинный меч найден в обломках. Принадлежность его погребенному I или II не вполне ясна. Скорее всего, первоначально он лежал вдоль погребенного I, слева. Об этом позволяет догадываться положение некоторых фрагментов, а также то обстоятельство, что случаи положения двух длинных мечей с одним погребенным до сих пор не фиксировались. Таким образом, возможно, что с погребенным I положили только один меч, а возможно и более вероятно — три. Если к этому добавить еще и топор, найденный на месте груди, то получится, что его сопровождало почти беспрецедентное количество оружия. Единственный сопоставимый случай отмечен в склепе № 2 могильника Озерное III, где вместе с одним из погребенных положили четыре меча с вырезами у пяты клинка, два у плеч и два вдоль бедер⁵⁷.

Меч с вырезами у пяты клинка (рис. 7, 1). Вырезы видны плохо из-за коррозированнойности и фрагментированности меча. Относится по классификации А.М. Хазанова к типу 5 сарматских мечей и кинжалов⁵⁸.

О хронологии и ареале мечей с вырезами пришлось говорить в связи с публикацией довольно значительной их коллекции из могильника Дружное. Они сконцентрированы, в основном, в Крыму и на Северном Кавказе, в памятниках IV–V вв. н.э. Почти во всех случаях, когда они найдены *in situ*, и в Крыму, и на Кавказе, мечи с вырезами лежали на плечах или головах погребенных. Столь специфический обряд является одним из признаков, фиксирующих миграцию населения с Северного Кавказа в Крым⁵⁹.

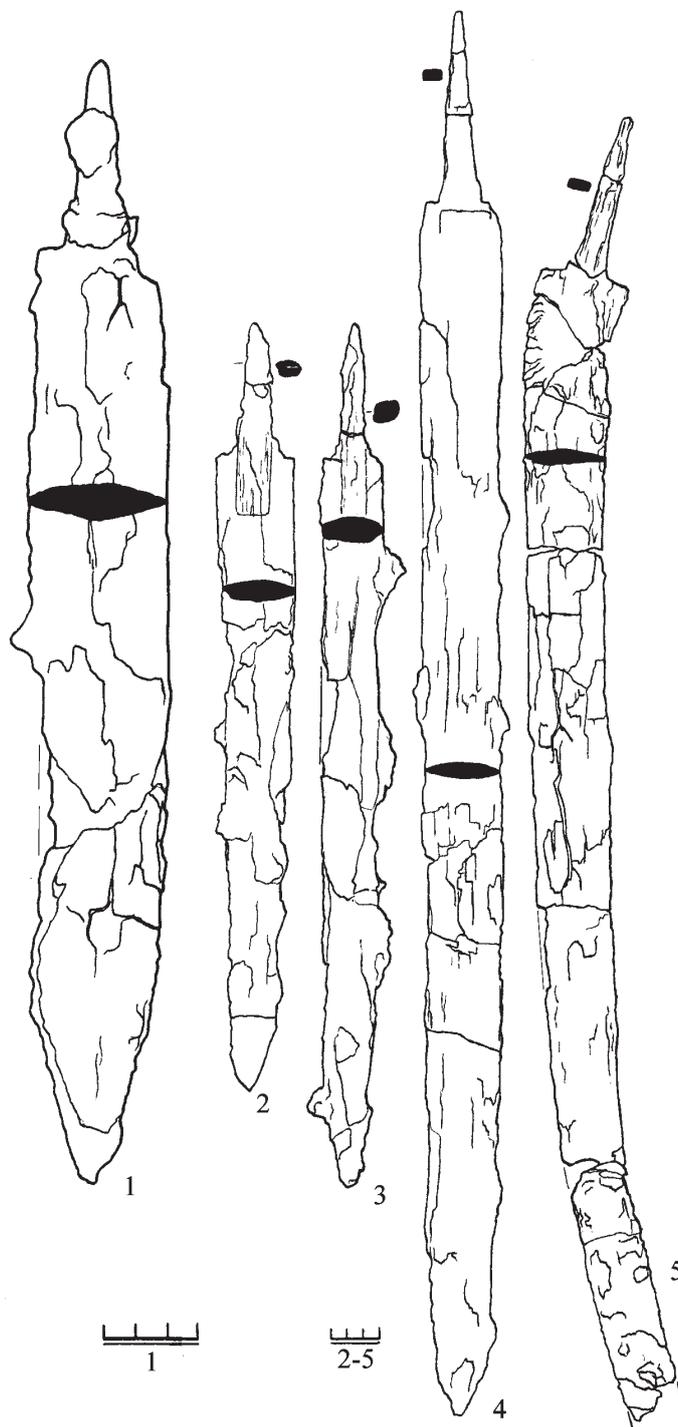

Рис. 7. Погребальный инвентарь.
1-5 – мечи железные

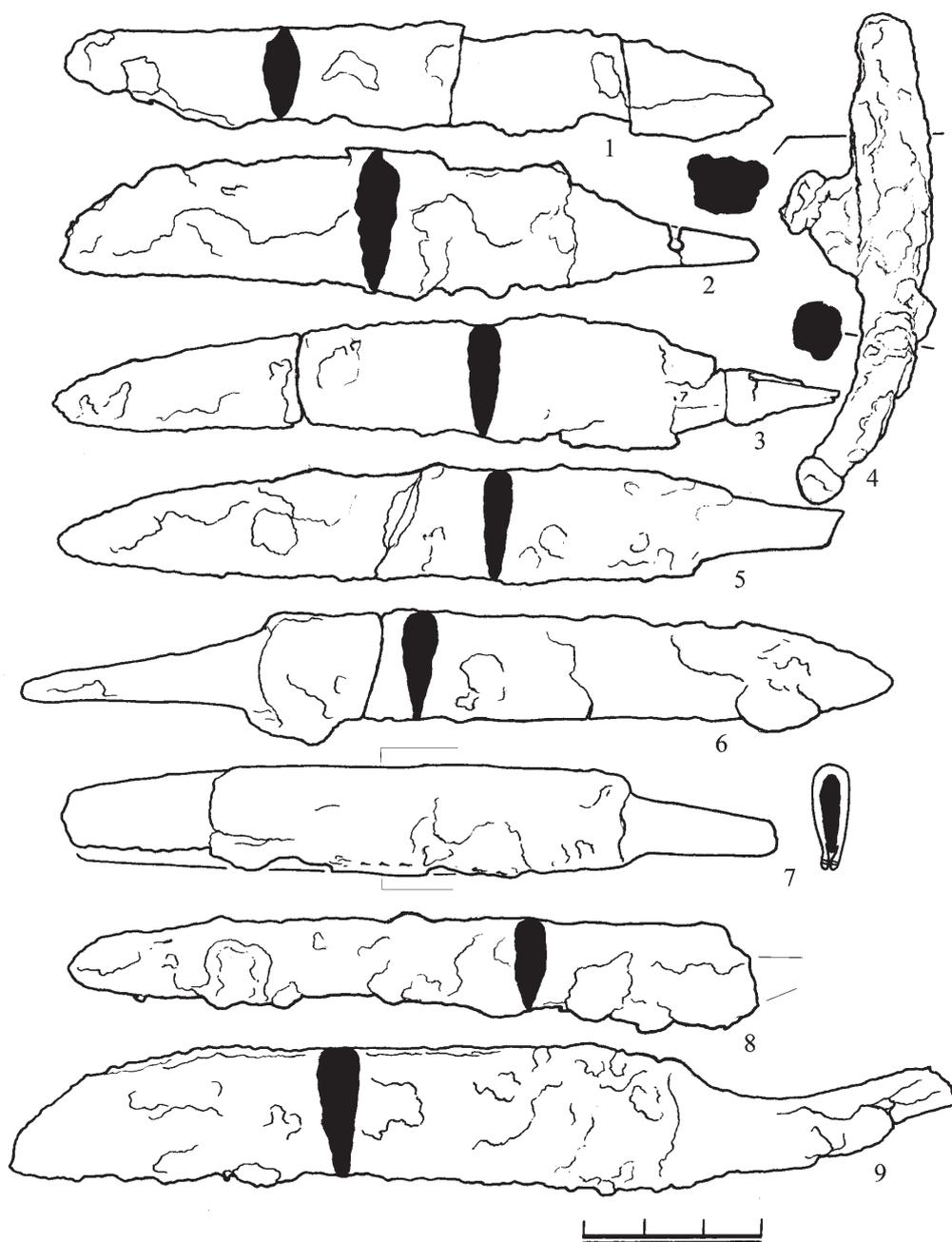

Рис. 8. Погребальный инвентарь.
1-3, 5-9 — ножи железные; 4 — предмет железный

После публикации мечей из Дружного сделаны новые находки⁶⁰. Высказаны мнения о назначении и применении этого оружия. Так, авторы публикации результатов раскопок могильника Чатыр-Даг рассматривают два возможных варианта. Первый: меч держали в левой руке, а вырезы в нем задерживали меч противника. Второй: это оружие вовсе не меч, а наконечник копья или алебарды. При этом допускается полифункциональное назначение оружия, и как меча, и как алебарды⁶¹. Первый из вариантов обсуждался уже неоднократно, и вполне убедительно опровергнут⁶². Второй также представляется невероятным по многим причинам, в частности, потому, что все найденные до сих пор мечи в древности были заключены в деревянные ножны. Представить себе снабженное черенком, а не втулкой копье, на которое надевали ножны, кажется, невозможно. Правда, следует обратить внимание на находку, сделанную в подкурганном погребении IV в. у с. Лимаревка на востоке Украины. Там найден короткий меч. По форме и размерам он аналогичен обычным мечам с вырезами у пяты клинка. О вырезах авторы публикации ничего не сообщают, не видно их и на рисунке. Создается впечатление, что их просто не заметили. Вырезы часто бывают заполнены коррозией и их приходится расчищать специально. Меч лежал не как обычно в Крыму или на Кавказе на плече погребенного, а в стороне от него. От черенка меча тянется узкая полоса деревянного тлена длиной 0,55 м.⁶³ Если тлен остался от рукояти, то мы имеем дело с каким-то невиданным и никем не описанным предметом вооружения.

Одновременно и независимо друг от друга Б. Контны⁶⁴ и М. Е. Левада⁶⁵ предположили, что вырезы служили для крепления ремня, которым приматывали к мечу деревянную рукоять. Такое предположение не невероятно, но пока недоказуемо: ни в одном случае остатки ремней в вырезах не зафиксированы. Можно высказать и сомнения в предложенной реконструкции. Глубина вырезов составляет 0,5–1,0 см, ширина, приблизительно 0,5 см. Следовательно, ремешок должен быть очень небольшим. Второй его конец, если предложенная реконструкция верна, приходилось привязывать к самой рукояти. Насколько прочна такая конструкция, до проведения экспериментов останется не ясным, но впечатления надежности она не производит. Самое главное, непонятно, зачем все это нужно было делать, если деревянную рукоять можно было прочно закрепить на черенке с помощью заклепок так, как поступали с рукоятями длинных мечей или втулками копий.

Таким образом, необычное положение мечей с вырезами в могилах, также как и их конструкция остаются достоверно не объясненными. Ясно только, что они представляют собой неотъемлемый элемент культуры населения крымских предгорий IV–V вв. н.э.

Гвозди (рис. 5, 5; 9, 1–5, 8, 10, 12) и другие железные изделия. Гвозди слишком велики для того, чтобы служить для скрепления гробов или других деревянных конструкций, к тому же некоторые из них найдены в краснолаковом блюде. Гвозди положили в могилу как погребальный инвентарь. Следовательно, они выполняли самостоятельную обрядовую функцию. Ничего подобного в других могилах Нейзаца встречать не приходилось. Крупные кованые железные гвозди найдены в нескольких погребениях IV в. н.э. Инкерманского могильника⁶⁶.

Обращают на себя внимание и другие необычные для погребальных соору-

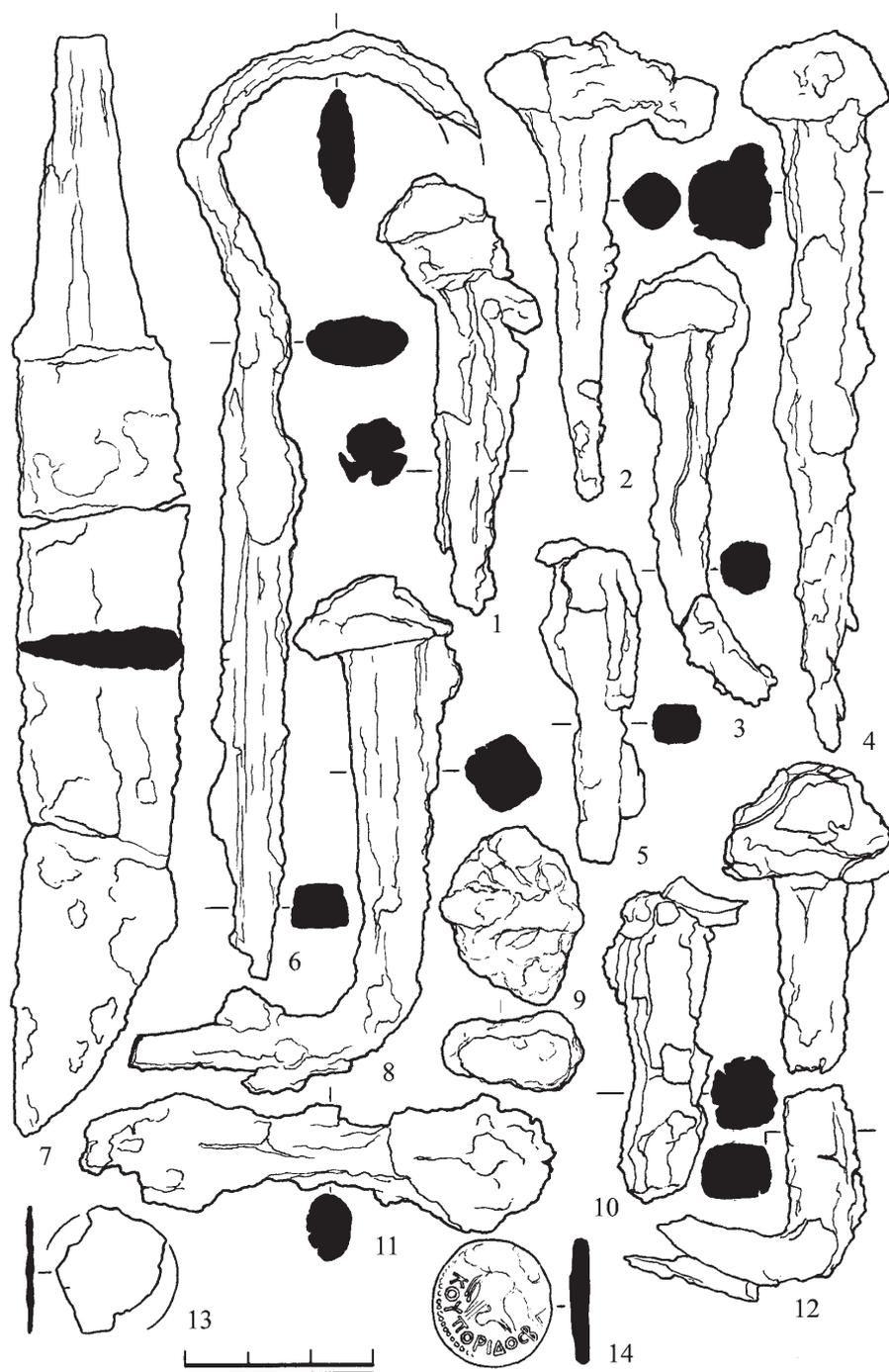

Рис. 9. Погребальный инвентарь.

1–5, 8, 10–12 — гвозди железные; 6 — крюк железный; 13 — предмет бронзовый; 14 — монета биллоновая

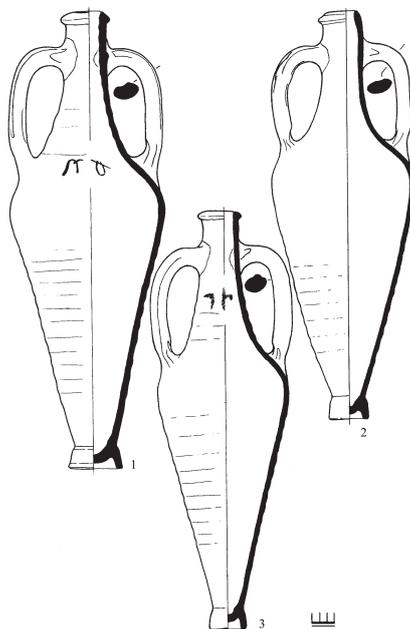

Рис. 10. Погребальный инвентарь.
1–3 – амфоры

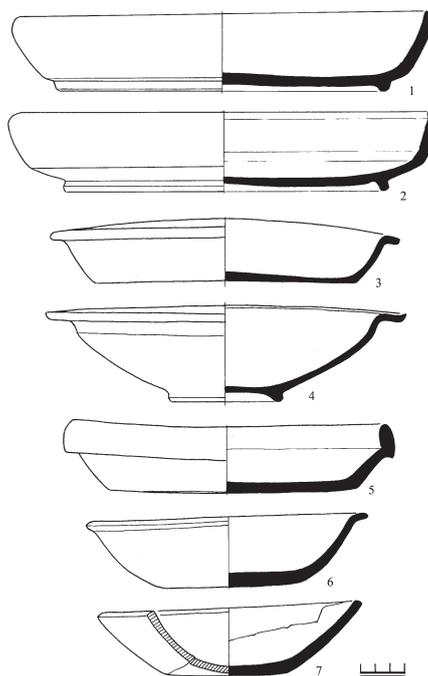

Рис. 11. Погребальный инвентарь.
1, 2, 4, 5 – сосуды краснолаковые; 3 – сосуд гончарный сероглиняный; 6, 7 – сосуды
лепные

жений железные вещи, в частности, крюк (рис. 9, 6), круглый в сечении предмет с деревянной рукояткой (рис. 5, 10) и еще одно неясного назначения изделие (рис. 8, 4). Крюк имеет весьма точную аналогию в синхронной склепу № 4 могиле № 125 с погребением воина.⁶⁷

Амфоры. В склепе обнаружено пять узкогорлых светлоглиняных амфор (рис. 10, 1–3; 12, 1; 15, 2). На двух из них сохранились слабые следы дипинти, нанесенных красной краской.

Все амфоры принадлежат типу «F» по классификации Д. Б. Шелова⁶⁸. В настоящее время датировка сосудов этого типа IV в. н.э. общепризнана⁶⁹. Некоторая неясность существует относительно времени их появления. Д. Б. Шелов и А.В. Сазанов⁷⁰ полагали, что амфоры типа «F» появились во второй половине III в. н.э., сменив амфоры типа «D». Эта дата повторялась многими исследователями. Теперь установлено, что амфоры типа «D» производились в течение всего III в. н.э.⁷¹ В Причерноморье, где находки амфор обоих типов исчисляются сотнями, они ни разу не встречены в одном комплексе, Нет также ни одного комплекса III в. н.э. с амфорами типа «F» и ни одного комплекса IV в. н.э. с амфорами типа «D». Следовательно, смена одного типа другим произошла приблизительно на рубеже III и IV вв. н.э.

Важные замечания по поводу обсуждаемого вопроса высказал А.М. Обломский⁷². Он обратил внимание на то, что узкогорлые светлоглиняные амфоры второй половины III в. н.э. рядом деталей отличаются от классических «танаисских». Это совершенно верно. Однако отличия не настолько велики, чтобы обладающие ими амфоры можно было выделить в отдельный тип. Преимущество амфор типа «F» от амфор типа «D» продемонстрировано в работе А. В. Сазанова. Еще более важен сообщаемый А. М. Обломским факт взаимовстречаемости обломков амфор «D» и «F» в некоторых поселенческих комплексах Днепровского лесостепного левобережья. Представляется все же, что это какая-то локальная особенность. Возможно, она связана с малым количеством амфор, попадавших в столь отдаленный от Причерноморья регион, где их поэтому долго хранили. Возможны и другие столь же априорные предположения. Уникальная ситуация, зафиксированная в Днепровском лесостепном левобережье, не отменяет того факта, что на основной территории распространения амфоры типов «D» и «F» вместе не встречаются. Это решающий аргумент, позволяющий установить их относительную хронологию.

Краснолаковые сосуды

1. Блюдо с отогнутым краем (рис. 14, 5).

Такие блюда регулярно встречаются в крымских комплексах IV в. н.э. Соответствуют типу II, варианту 2 краснолаковых сосудов из могильника Дружное⁷³. Аналогичные сосуды обнаружены в погребениях IV в. н.э. могильника Нейзац⁷⁴. Некоторые исследователи предполагают их понтийское производство⁷⁵.

2. Блюда с загнутым краем (рис. 11, 1, 2).

Это едва ли не самый распространенный тип краснолаковой керамики в крымских памятниках IV в. н.э. Соответствуют типу I краснолаковой керамики из могильника Дружное, где их найдено 10 экземпляров⁷⁶.

3. Миски с горизонтально отогнутыми краями (рис. 12, 5; 13, 3; 14, 2, 3; 17, 5).

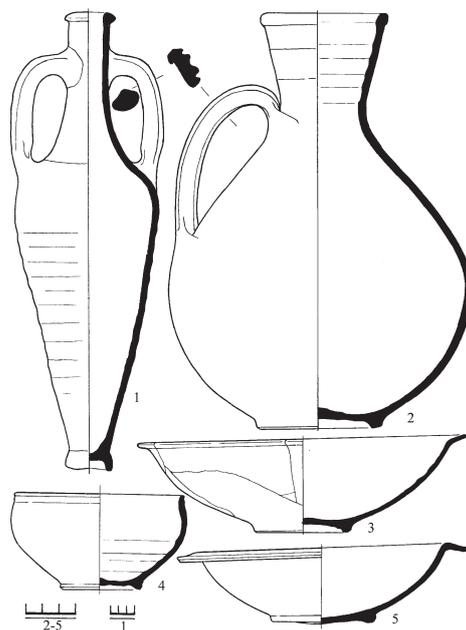

Рис. 12. Погребальный инвентарь.
1 – амфора; 2–5 – сосуды краснолаковые.

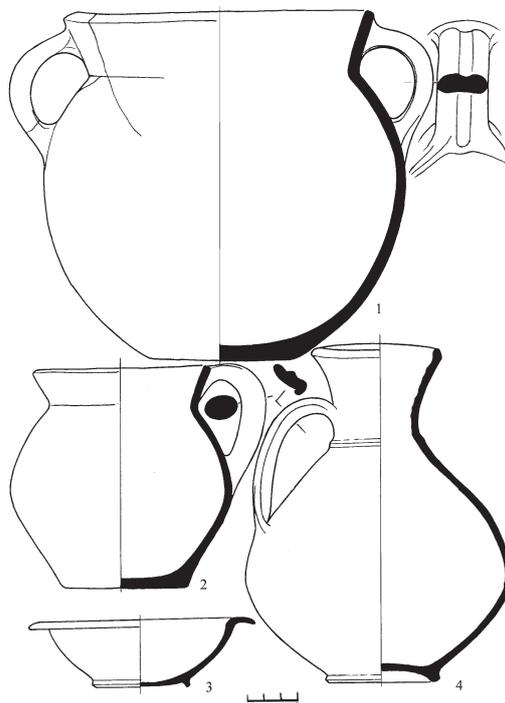

Рис. 13. Погребальный инвентарь.
1, 2 – сосуды лепные; 3, 4 – сосуды краснолаковые

Миски отличаются друг от друга глубиной, шириной края, у некоторых из них края профилированы.

Соответствуют типу IX, варианту 4 краснолаковых сосудов из Дружного, где они найдены в комплексах IV в. н.э.⁷⁷.

4. Миска большого диаметра с горизонтально отогнутым краем, стенки в верхней части изогнуты почти под прямым углом к краю (рис. 122, 4).

Соответствует типу IX, варианту 5 краснолаковых сосудов из Дружного, где датируются IV в. н.э.⁷⁸. Такие же миски найдены в могильнике Совхоз 10⁷⁹.

5. Миска с венчиком, представляющим собой плавно отогнутое продолжение стенки (рис. 12, 3).

Точно такая же миска найдена в Килен-Балке⁸⁰, похожая — в могильнике Совхоз 10⁸¹.

6. Миска без выделенного венчика (рис. 17, 4).

Соответствует типу VI, варианту 1 краснолаковых сосудов из Дружного, где найден 21 экземпляр таких сосудов. Постоянно встречаются в крымских комплексах III — первой половины V в. н.э.⁸².

7. Чашка (рис. 12, 4).

Аналогичная чашка, по-видимому, малоазиатского производства, найдена в Танаисе, в подвале усадьбы, погибшей в середине III в. н.э.⁸³. Похожие сосуды обнаружены в склепе № 1 могильника Курское⁸⁴.

8. Миска плоскодонная с массивным краем, нависающим над стенками (рис. 11, 5).

Миски с нависающим венчиком найдены в Танаисе. Однако они несколько отличаются от нашей. В танаисских мисках внутренние поверхности стенок гладкие, переход от стенок к венчику не выделен, как в нейзацком экземпляре. Кроме того, Т. М. Арсеньева, несмотря на то, что опубликованы только верхние части мисок, отмечает наличие у них кольцевого поддона⁸⁵.

9. Миска с узким дном и слабо загнутым верхним краем (рис. 17, 1).

Соответствует типу VI, варианту 2 краснолаковой керамики из могильника Дружное, где их найдено 17 экземпляров. Миски типа VI датируются в пределах III — первой половины V в. н.э.⁸⁶.

10. Кувшин (рис. 12, 2).

Соответствует типу X краснолаковой керамики из могильника Дружное, где семь экземпляров подобных кувшинов найдены в комплексах IV в.⁸⁷. Такие же кувшины многочисленны в Килен-Балке⁸⁸, несколько экземпляров найдено в могильнике Совхоз 10⁸⁹.

11. Кувшин с цилиндрическим горлом (рис. 17, 6).

Сходные, но в то же время отличающиеся различными деталями кувшины найдены в херсонесском некрополе. В.М. Зубарь предполагает херсонесское производство кувшинов типа 5 своей классификации⁹⁰. Тоже можно сказать о кувшинах найденных в усть-альминском некрополе⁹¹ и в могильнике Совхоз 10⁹².

Миска сероглиняная (рис. 11, 3) плоскодонная с отогнутым под прямым углом краем.

Аналогичный сосуд «с лаковым покрытием серого цвета» найден в склепе IV в. н.э. у с. Суворово⁹³, сероглиняное лощеное блюдо серого цвета происходит из склепа IV в. н.э. могильника Красная Заря⁹⁴, такой же по форме сосуд

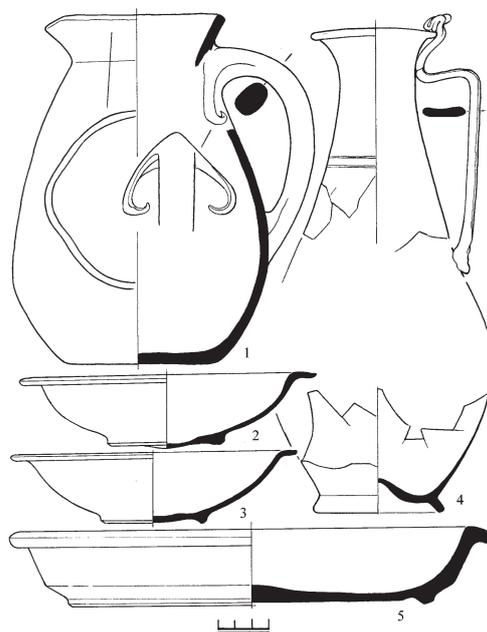

Рис. 14. Погребальный инвентарь.
1 – сосуд лепной; 2, 3, 5 – сосуды краснолаковые; 4 – сосуд стеклянный

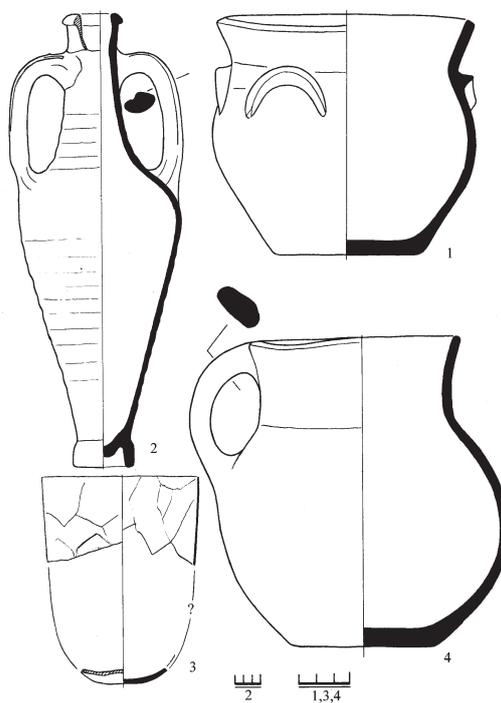

Рис. 15. Погребальный инвентарь.
1, 4 – сосуды лепные; 2 – амфора; 3 – сосуд стеклянный

обнаружен в могильнике Тас-Тепе⁹⁵. Два сероглиняных блюда аналогичной формы найдены в 1941 г. на территории инкерманского могильника. Одно из них «покрыто лаком плохого качества», второе — «с лощеной поверхностью»⁹⁶.

Лепные сосуды

1. Миска усеченно- конической формы (рис. 11, 7).

Соответствует типу 1, варианту «В» мисок из могильника Дружное. Такие сосуды в Крыму и на сопредельных территориях производились с эпохи бронзы до средневековья⁹⁷.

2. Миска с усеченно-коническим туловом и горизонтально отогнутыми краями (рис. 11, 6).

Соответствует типу 4, варианту «В» мисок из могильника Дружное. Немногочисленные сосуды этого типа, возможно, имитируют краснолаковую керамику⁹⁸.

3. Горшок со сферическим туловом, усеченно-коническим горлом и двумя вертикальными профилированными желобком ручками (рис. 13, 1).

Подобные сосуды, с некоторыми вариациями в пропорциях, формах тулова, профилировке ручек, регулярно встречаются в склепах IV в. н.э. могильников Дружное и Нейзац (ср. с типами 1-II/В и 10/II горшков из Дружного)⁹⁹.

4. Кувшин с эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в вертикальной плоскости, низким усеченно-коническим горлом и петлевидной ручкой (рис. 14, 1).

Близок сосудам типа 3.3-I/A1 из погребений IV в. н.э. в Дружном. Кувшины близкой формы изредка встречаются в Крыму и на Северном Кавказе в памятниках предшествующего времени¹⁰⁰. Особенностью публикуемого экземпляра является горло с выделенным сливом. Такое оформление горло очень редко, но встречается у сосудов IV в. н.э.¹⁰¹. От места верхнего прилепа ручки отходят рельефные ребра. Этот способ украшения характерен для многих сосудов могильников Дружное и Нейзац¹⁰².

5. Горшок с овалоидным туловом и низким усеченно-коническим горлом, на плечиках украшен двумя дуговидными налепами (рис. 15, 1).

Сосуды подобных форм и сходным образом орнаментированные являются неотъемлемой частью керамического комплекса IV в. н.э. могильников Дружное, Нейзац, Суворово¹⁰³.

6. Еще один сосуд найден в обломках, его целая форма восстанавливается графически с некоторой долей условности (рис. 17, 3). Он имел сфероконическое тулово, эллипсоидное горло, выделенное дно. Под местом максимального расширения сосуда прикреплены две горизонтальные ручки, направленные под углом вверх.

Изделия аналогичной формы не известны, но горизонтальные, направленные под углом вверх ручки имеются на нескольких горшках IV в. н.э. могильника Дружное¹⁰⁴.

7. Кружки с эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в горизонтальной плоскости, усеченно-коническим горлом и петлевидной ручкой (рис. 13, 2; 15, 4).

Это один из самых распространенных типов сосудов в крымских предгорных и горных могильниках позднеримского и раннесредневекового времени, встре-

чаются также и на Боспоре. Соответствуют кружкам типа 6 В могильника Дружное¹⁰⁵. Их появление в Крыму аргументировано объясняется кавказским влиянием¹⁰⁶.

Сосуды из прозрачного бесцветного стекла.

1. Стакан (рис. 17, 2).

Аналогичен стакану из склепа № 21 в Дружном. Этот стакан образует вариант 2 типа II стеклянных сосудов из Дружного. Очень близок ему, но все же отличается некоторыми деталями стакан варианта 1, найденный в том же склепе. Аналогий стаканам обоих вариантов обнаружено немного, они датируются в пределах середины III–IV вв. н.э.¹⁰⁷.

2. Стакан (рис. 16, 6).

Соответствует типу I, варианту 1 стеклянных сосудов из Дружного. В крымских могильниках найдено несколько десятков таких стаканов. Первые из них появились во второй половине III в. н.э., а в IV в. н.э. они превращаются в самый популярный у крымских варваров тип стеклянной посуды¹⁰⁸.

3. Стакан (рис. 15, 3).

Похожий стакан найден в подбойной могиле IV в. н.э. № 125 некрополя Нейзац. От публикуемого в данной статье он отличается только вогнутым дном¹⁰⁹. Стакан из Танаиса, найденный в помещении с остатками стеклоделательного производства, погибшего в середине III в. н.э., отличает от публикуемого чуть отогнутый и утолщенный венчик¹¹⁰.

4. Бутыль (рис. 16, 4).

Сосуды такой формы встречаются на разных территориях от Крыма до Франции. Датируются они в широких пределах IV–VI вв. н.э. В Крыму встречены в нескольких комплексах IV в. н.э.¹¹¹.

7. Кувшин (рис. 16, 2).

Аналогичный кувшин найден в Пантикапее¹¹². Н.П. Сорокиной известны еще несколько подобных кувшинов из Пантикапея, а их обломков — из Танаиса. Учитывая отсутствие аналогичных изделий в других центрах, исследовательница вполне логично предположила, что в III в. н.э. их изготавливали на Боспоре, возможно, в Пантикапее¹¹³.

8. Кувшин (рис. 16, 3).

Очень близкий по форме кувшин найден в могиле № 125 некрополя Сиреневая бухта в крымском Приазовье. Судя по находке в той же могиле сосуда, украшенного каплями синего стекла, погребальной сооружение относится к концу IV–V вв. н.э.¹¹⁴.

9. Блюдо (рис. 16, 1).

Вероятно, подобные сосуды бытовали в III в. н.э. в Танаисе, но они найдены в обломках и с уверенностью судить об целых формах трудно¹¹⁵.

Бусы

1. Шаровидная из глухого белого стекла (рис. 3, 19). Тип ОС I (2)¹¹⁶.

2. Шаровидная из глухого синего стекла (рис. 3, 13). Тип ОС I (86).

Шаровидные одноцветные бусы были широко распространены на протяжении всей античной эпохи. В Крыму большая их часть найдена в погребениях I–III вв. н.э., где они часто образуют наборы из десятков и даже сотен экземпляров. В погребениях IV в. н.э. встречаются значительно реже.

Рис. 16. Погребальный инвентарь.

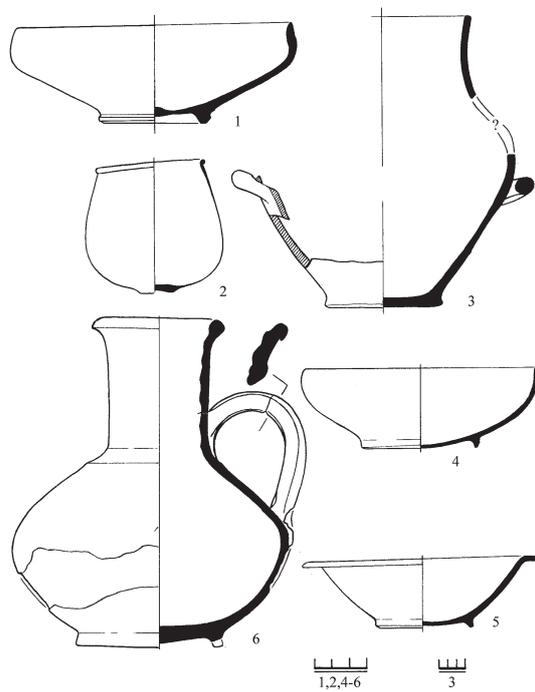

Рис. 17. Погребальный инвентарь.

1, 4 – 6 – сосуды краснолаковые; 2 – сосуд стеклянный; 3 – сосуд лепной

3. В виде четырнадцатигранников из прозрачного синего стекла — 6 экз. (рис. 3, 11). Тип ОС VII (7).

Бусы этого типа использовались все время существования могильника Нейзац. За пределами Крыма они во множестве открыты в вельбарских и черняховских памятниках, а также в могильниках Цебельды¹¹⁷.

4. Усеченно-биконическая из прозрачного синего стекла (рис. 3, 7). Тип XII (6).

Время наибольшего распространения таких бус — III–IV вв. н.э., в могильниках центрального Крыма и памятниках черняховской культуры¹¹⁸.

5. Цилиндрические из глухого стекла неопределенного цвета — около 20 экз. (рис. 3, 12).

6. Шаровидная из бесцветного прозрачного стекла с внутренней металлической прокладкой желтого цвета (рис. 3, 8). Тип ВМП 1.

Такие бусы в большом количестве находят в комплексах эллинистического и римского времени Восточной и Центральной Европы.

7. Гагатовые цилиндрические — 55 экз. (рис. 3, 1). Тип Гт I (4).

8. Гагатовые веретеновидной формы — 2 экз. (рис. 3, 18). Тип Гт I (9).

9. Гагатовые подвески в виде топориков — 5 экз. (рис. 3, 2). Тип Гт III(1).

Цилиндрические гагатовые бусы широко распространяются начиная с эллинистического времени в Поволжье, на Северном Кавказе и на Боспоре. В предгорном Крыму встречаются значительно реже, причем в комплексах римского времени.

Крупные веретеновидные гагатовые пронизи встречаются единичными экземплярами в некрополе Пантикапея и в могильнике Совхоз 10.

Круг аналогий гагатовым топовидным подвескам ограничен находками в Подкумском могильнике в Предкавказье и в Пантикапее¹¹⁹.

10. Сердоликовая в форме четырнадцатигранника (рис. 3, 16). Тип Сб.

Такие бусы массово встречаются в памятниках вельбарской и черняховской культур, а также в Нижнем Поволжье. В Крыму обнаружены в гораздо меньшем количестве, но во многих памятниках III–IV вв. н.э.¹²⁰.

11. Янтарная шаровидная поперечно сжатая (рис. 3, 3). Тип Я I (1).

12. Янтарные короткоцилиндрические — 4 экз. (рис. 3, 5). Тип Я I (3).

13. Янтарной бочковидной уплощенной фрагмент. Тип Я I (5).

Янтарные бусы этих типов были очень популярны у населения, оставившего могильник Нейзац. В основном, они найдены в погребениях первой половины III в. н.э. и имеют широкий круг аналогий в памятниках римского времени¹²¹.

14. Подвески янтарные трапециевидной и восьмерковидной формы, украшенные бороздками — 7 экз. (рис. 3, 21, 22, 24, 25, 29, 31, 32). Тип Я II (1).

15. Подвеска янтарная трапециевидная, украшенная в нижней части короткими вертикальными бороздками (рис. 3, 20). Тип Я II (2).

Подвески этих типов не имеют аналогий ни в Крыму, ни за его пределами. Лишь одна из них (рис. 3, 24) очень похожа на подвеску из погребения периода С2 германского могильника Ниенбург¹²².

16. Подвески янтарные восьмерковидные неорнаментированные — 8 экз. (рис. 3, 4, 26, 27, 29).

Подвески этого типа обычны для крымских комплексов IV в. н.э.¹²³. Открытые в последние годы янтарные восьмерковидные подвески I–III вв. н.э. отличаются от них морфологически¹²⁴.

*Монета биллоновая (рис. 9, 14)*¹²⁵

Л.С. В точечном ободке круговая надпись: [ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣ]ΚΥΠΟΡΙΔΟΣ. Бюст царя вправо.

Об. С. Два бюста напротив друг друга в точечном ободке. Под ними год: ΞΦ (560 г. б. э.).

Боспорская. Рескупорид IV (242/243 — 276/277 гг.). Статер. Выпуск 263/264 г.

Склеп № 4 интересен, прежде всего, тем, что его конструкция, зафиксированные при его раскопках погребальные обряды, а также набор погребального инвентаря типичны для населения крымских предгорий IV в. н.э. О причинах появления склепов такого типа в Крыму ведется дискуссия. Наиболее вероятная гипотеза заключается в том, что в них хоронили мигрировавшие в Крым с Северного Кавказа предки средневековых алан¹²⁶.

Склепы IV в. н.э. состоят, как и в данном случае, из прямоугольных в плане входных ям, коротких дромосов и прямоугольных или трапециевидных погребальных камер. Входы в дромос закрывались каменными плитами. Пол погребальной камеры располагался ниже пола дромоса, в стенах делались ниши. Шесть — восемь погребенных располагали, как правило, в вытянутом положении на спине, ногами или, реже, головами ко входу в погребальную камеру. В склепах IV в. н.э. всегда много керамической посуды. Большинство сосудов ставили вдоль стены за головами погребенных. В то же время, часть сосудов располагали в углах погребальной камеры, рядом с погребенными и, иногда, на них самих. Последняя черта погребального обряда зафиксирована, кроме склепов, в подбойных и грунтовых могилах IV в. н.э. Вместе с сосудами всегда обнаруживаются ножи, кости животных и птиц, яичная скорлупа. На костях находят, обычно немногочисленные, украшения и детали одежды, рядом с ними — предметы вооружения, конская сбруя и некоторые другие вещи.

Благодаря тому, что склеп не был разграблен, а это довольно редкий случай, удалось зафиксировать положение костяков вместе с разнообразным погребальным инвентарем¹²⁷. Вещи, найденные в погребальной камере, имеют множество аналогий среди находок, сделанных при раскопках других крымских могильников. Они, как нельзя лучше, характеризуют материальную культуру крымских варваров.

Несмотря на свою типичность, склеп № 4 имеет некоторые индивидуальные особенности. Погребальная камера была сделана под естественным скальным навесом. Таких случаев в могильнике Нейзац зафиксировано несколько, что обусловлено, конечно, природными условиями местности, в которой расположен могильник. При устройстве склепов в других некрополях предгорного Крыма скальные навесы не использовались.

Весьма редкое явление представляет собой захоронение лошади в погребальной камере склепа. Близкая аналогия обнаруживается только в склепе № 78 могильника Дружное¹²⁸.

Не находит объяснения находка некоторых предметов погребального инвен-

таря, в том числе семи стеклянных сосудов, на высоте около 1,0 м выше уровня пола погребальной камеры, среди рухнувших сверху каменных глыб. Возможное предположение о принадлежности этих предметов к инвентарю могилы, расположенной над погребальной камерой склепа № 4, опровергается отсутствием костей, а также тем, что ни в одной из 323 раскопанных могил нейзацкого некрополя не было такого количества стеклянных сосудов. Кроме того, вещи, найденные выше пола погребальной камеры, синхронны инвентарю, обнаруженных в ней погребений.

Необычно соотношение сосудов, обнаруженных в склепе. Найдено 17 краснолаковых сосудов, 1 гончарный сероглиняный, 8 лепных, 9 стеклянных и 5 амфор. Как правило, в склепах IV в. н.э., где сосудов всегда много, лепных намного больше, чем краснолаковых. Их обычное соотношение составляет примерно 4:1. Во многих склепах стеклянных сосудов нет вообще, а там, где они есть, их не больше пяти. Амфоры тоже встречаются далеко не во всех склепах. Склеп № 4 могильника Нейзац, наряду со склепом № 38 могильника Суворово, представляет собой редкое исключение, так как в нем найдено целых пять амфор. В обоих случаях, кстати говоря, все амфоры относятся к одному типу «F» по классификации Д.Б. Шелова¹²⁹. Значительное количество дорогих, по сравнению с лепными, краснолаковых и, особенно, стеклянных сосудов, а также амфор свидетельствует, вероятно, о высоком социальном статусе семьи или рода, которому принадлежал этот склеп. Об этом же можно судить по беспрецедентно большому количеству оружия, обнаруженному вместе с погребением I.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ. Вып. Д 1–30. М., 1966. С. 66.
2. Там же. С. 62.
3. Там же. С. 70, 71.
4. *Parusimov I. Römerzeitliche Hügelgräber am Untern Don // Balácai Közlemények. 1997. V. P. 138. Abb. 10, 1.*
5. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.). Lublin, 2002. С. 55.
6. Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001. С. 110, 207. Табл. 24, 343.
7. Васильев А.А., Дзиговский А.Н. Еще раз к хронологии позднейших сарматских древностей Буджака // *Stratum +*. 2001–2002. №4. С. 319.
8. Об эволюции пряжек римского времени см.: Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеимперского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. 1990. С. 27, 28; Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // БС. 1. 1992. С. 12; Казанский М.М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // МАИЭТ. Вып. IV. 1994. С. 240, 241; Абрамова М.П. Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков нашей эры // МАИЭТ. Вып. VI. 1998; Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 195, 196; Храпунов. Могильник Дружное. С. 48–50; *Godlowsky K. The chronology of the Late Roman and Early Migration Period. Krakow, 1970. P. 126.*
9. Храпунов. Могильник Дружное. С. 44. Типы II и III.
10. См. напр. Выборный Ю.В., Ключева И.Н. Позднесарматский курган у с.Лимарев-

- ка Луганской области // Проблемы археологии юго-восточной Европы. Ростов-на-Дону, 1988. С. 92.
11. Храпунов. Могильник Дружное. С.42.
 12. Лобода И.И. Раскопки красномакского могильника в 1983–1984 гг. // МАИЭТ. Вып. XI. 2005. С. 214, 215.
 13. Высотская Т.Н. Склепы могильника Совхоз №10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ. Вып. VI. 1998. С. 268.
 14. Труфанов А.А., Колтухов С.Г. Исследование позднеантичного некрополя у с.Курское в юго-восточном Крыму // Stratum +. 2001–2002. № 4. С. 289. Рис. 16, 18.
 15. Там же. С. 291. Рис. 16, 14, 16.
 16. Засецкая И.П. Материалы боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. Вып. III. 1993. С. 93. Табл. 62, 372.
 17. Там же. Кат. № 351.
 18. Гудкова А.В., Редина Е.Ф. О сарматском могильнике Градешка в низовьях Дуная // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. VII. Запоріжжя, 1999. Рис. 5, 9; Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. О верхней дате сарматских памятников понизовья Дуная // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986. С. 151. Рис. 2, 9.
 19. Храпунов И.Н. Три подбойные могилы IV в.н.э. из некрополя Дружное // МАИЭТ. Вып. VII. 2000. С. 54.
 20. Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов карпато-днепровских земель. Одесса, 2003. С. 186.
 21. О длинных позднесарматских мечях с навершиями см. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 16; Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 172.
 22. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997. Рис. 63; Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // ХС. Вып. XII. 2003. С. 203, 208. Рис. 2, 18.
 23. Выборный, Ключнева. Ук. соч. С. 92, табл. XXVIII, 14.
 24. Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. Рис. 21, 8.
 25. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. Рис. 34, 20. Табл. 30, 56.
 26. Симонович Э.А. Население столицы позднескифского государства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев, 1983. С. 73. Табл. XLIII, 9.
 27. Glodariu I. «Brătările» cu nodorități lateen firzu în Dacia // Acta musei Napocensis. 1984. XXI. S. 64. Fig. 1. 7. 9.
 28. Kokowski A. Ein extraordinärer Fund aus der späten Völkerwanderungszeit im südöstlichen Polen // Acta Praehistorica et Archaeologica. 2007. 39. S. 25–27. Abb. 2b.
 29. Кухаренко Ю.В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. 1959. №1. С. 36, 41; Трейстер М.Ю. Кельты у Північному Причорномор'ї // Археолгія. 1992. Вип. 2. С. 43, 44; Нефедова Е.С. К вопросу о браслетах «латенского стиля» // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб, 1992.
 30. Журавлев Д.В. Об одной группе «браслетов» или кельтский мираж в Крыму // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2006.
 31. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население окрестности Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам нек-

- рополя «Совхоз № 10») // *Stratum +*. 2003–2004. № 4. С. 163. Табл. 28, 3; 29, 27; 59, 8.
32. *Юрочкин, Труфанов*. Ук. соч. С. 204. Рис. 4, 48.
33. *Айбабин А.И.* Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. Вып. IV. 1994. С. 90. Рис. 5, 8.
34. *Храпунов*. Могильник Дружное. С. 46. Рис. 97, 19, 22.
35. Там же. С. 50, 51. Рис. 103, 4, 5; 104, 5, 6; 206, 19, 20; *Айбабин*. Раскопки... С. 90, 94. Рис. 6, 1, 2.
36. *Бабенчиков В.П.* Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 92, 93, 98, табл. II, 13, 14; *Стоянова А.А.* Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // БИ. Вып. V. Керчь, 2004. С. 292, 293.
37. *Стржелецкий и др.* Ук. соч. С. 150, 151. Табл. 11, 27.
38. *Храпунов*. Могильник Дружное. С. 40. Рис. 89, 1; 109, 4, 5.
39. *Бабенчиков*. Ук. соч. С. 99. Табл. XIII, 1.
40. *Яценко С.А., Малашев В.Ю.* О полихромном стиле позднеармского времени на территории Сарматии // *Stratum +*. 2000. № 4, там же краткая историография.
41. *Бабенчиков*. Ук. соч. С. 93. Табл. VI, 5.
42. *Юрочкин, Труфанов*. Ук. соч. С. 203, 204, 208, 209. Рис. 4, 47.
43. См. напр. в Дружном: *Храпунов*. Могильник Дружное. С. 52.
44. Примеры см.: *Безуглов С.И.* Воинское позднеармское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 14. Азов, 1997. С. 134. Рис. 1, 2, 3 – вторая половина II – первая половина III в. н.э.; *Кузнецов В.А.* Погребения III в. из Кисловодска // СА. 1990. № 2. С. 253. Рис. 1, 7, 8 – вторая половина III в. н. э.
45. *Пуздровский А.Е.* Погребения Битакского могильника первых веков н.э. с оружием и конской уздой // Поздние скифы Крыма. М., 2001. С. 129, 130. Рис. 6, 13.
46. *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994. С. 41.
47. Там же. Табл. 34, 9; 44, 5, 6.
48. Сводку см.: *Kazanski M.* Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin/ Marburg, 1994. P. 456–458. Новые находки: *Вознесенская Г.А., Левада М.Е.* Кузнечные изделия из могильника Чатыр-Даг: попытка типологического анализа и технология производства // 100 лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 256, 257; *Храпунов*. Могильник Дружное... С. 51, 52; *Мыц В.Л., Лысенко А.В., Шукин М.Б., Шаров О.В.* Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006. С. 123; *Контны Б., Савеля Д.Ю.* Вооружение из могильника в Килен-Балке // МАИЭТ. Вып. XII. Ч.1. 2006. С. 136–138. Рис. 5, 1.
49. *Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К.* Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VII веков. М., 1982. С. 27.
50. *Kokowski A.* L'art militaire des Goths a l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques // *L'armée romaine et les barbares du III au VII siècles*, 1993. P. 337; *Магомедов Б.В., Левада М.Е.* Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. Вып. V. 1996. С. 308.
51. Об этом см.: *Храпунов*. Могильник Дружное... С. 52. Не понятно, почему Б. Контны и Д.Ю. Савеля усомнились в ранней (до середины III в. н. э.) дате топоров с выделенным обухом из некоторых меотских могильников (*Контны, Савеля*. Ук. соч. С. 138, прим. 16). К этим ранним находкам следует добавить еще экземпляры

- из Усть-Альминского могильника, который не может датироваться временем более поздним, чем середина III в. н.э. (*Высотская*. Усть-Альминское поселение... С. 88. Рис. 28, 10. Табл. 44,9). Распространение топоров с выделенным обухом в Причерноморье отмечает и М.Е. Левада, но он почему-то думает, что их появление объясняется миграциями населения (*Левада М.Е.* «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // *БИ*. Вып. XI. 2006. С. 208).
52. *Domanski G.* Kultura Luboszycka miedzy Łaba a Odra w II–IV wieku. Wrocław; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1979. S. 51–53. *Domanski G.* Smentarzysko w Luboszycach (II–IV w.). Wrocław; Warszawa; Krakow; Gdansk; Łodz, 1982. S. 77–78.
 53. *Kieferling G.* Bemerkungen zu Äxten der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum // *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin / Marburg, 1994. P. 343. Abb. 7.
 54. *Хазанов*. Ук. соч. С. 17.
 55. *Безуглов С.И.* Позднесарматские мечи... С. 181.
 56. *Храпунов И.Н.* Погребение воина IV в. н.э. из могильника Нейзац // *Готы и Рим*. Киев, 2006. С. 43. Рис. 4, 5.
 57. *Лобода И.И.* Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // *СА*. 1977. №4. С. 245. Рис. 36.
 58. *Хазанов*. Ук. соч. С. 17.
 59. *Храпунов*. Могильник Дружное... С. 42, 75, 79.
 60. *Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И.* Новые памятники III–IV вв. н.э. в юго-западном Крыму // *МАИЭТ*. Вып. VIII. 2001. Рис. 12, 9; *Айбабин А.И.* Поясной набор с пуансонным орнаментом из Лучистого // *МАИЭТ*. Вып. IX. 2002. С. 40. Рис. 2, 17; *Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И.* Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // *МАИЭТ*. Вып. X. 2003. Рис. 2, 9; 6, 2; 13, 10; *Храпунов*. Погребение воина... С. 43; *Мыц*. и др. Ук. соч. С. 119; *Контны, Савеля*. Ук. соч. С. 138–148; *Стржелецкий* и др. Ук. соч. С. 143.
 61. *Мыц*. и др. Ук. соч. С. 119.
 62. *Храпунов*. Могильник Дружное... С. 42; *Контны, Савеля*. Ук. соч. С. 145.
 63. *Выборный, Ключева*. Ук. соч. С. 93, табл. XXVIII.
 64. *Контны, Савеля*. Ук. соч. С. 146.
 65. *Левада М.Е.* Кинжалы типа Хазанов-V в Среднем Поднепровье // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2006. С. 193.
 66. *Веймарн*. Ук. соч. С. 25, 28, 38. Рис. 17, 6–8.
 67. *Храпунов*. Погребение воина... С. 42. Рис. 4, 2.
 68. *Шелов Д.Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // *КСИА*. Вып. 156. 1978. С. 19.
 69. *Айбабин*. Хронология могильников Крыма... С. 14; *Храпунов*. Могильник Дружное... С. 39; *Васильев, Дзиговский*. Ук. соч. С. 317; *Юрочкин, Труфанов*. Ук. соч. С. 212, 213, 216, 217; *Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю.* Некрополь Пантикапея – Боспора (по материалам исследований 2000–2002 гг.) // «О древностях Южного Берега Крыма и гор Таврических» Киев, 2004. С. 119; *Магомедов Б.В.* Римские амфоры в черняховской культуре // *Готы и Рим*. Киев, 2006. С. 52.
 70. *Сазанов А.В.* Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // *МАИЭТ*. Вып. III. 1993. С. 16–19.
 71. *Храпунов*. Могильник Дружное... С. 39.
 72. *Обломский А.М.* Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). М., 2003. С. 58.

73. Храпунов. Могильник Дружное... С. 58, там же аналогии из разных памятников. Новые находки: Пуздровский, Зайцев, Неневоля. Ук. соч. Рис. 5, 2, 7; Нессель В.А. Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // ХС. Вып. XII. 2003. С. 109, 111. Рис. 3, 6–10; Юрочкин, Труфанов. Ук. соч. С. 213–217; Стржелецкий и др. Ук. соч. Табл. XVIII, 13.
74. Храпунов. Погребение воина... С. 43. Рис. 3, 3.
75. Domzalski K. Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporian Kingdom // *Rei Cretariae Romanae Fautorum. Acta* 36. Abingdon, 2000. P. 163, 164, Fig. 2, 4.
76. Храпунов. Могильник Дружное... С. 58, там же см. многочисленные аналогии. Новые находки: Юрочкин, Труфанов. Ук. соч. Рис. 5, 71; Нессель. Ук. соч. С. 109. Рис. 2, 1–8, 10; 3, 1–4; Лобода. Раскопки красномакского могильника... С. 209, 210. Рис. 8, 3; 12, 9; Стржелецкий и др. Ук. соч. Табл. XVII, 8, 10, 12.
77. Храпунов. Могильник Дружное ... С. 59, там же аналогии. Новые находки: Нессель. Ук. соч. С. 110, 111. Рис. 4, 6; Юрочкин, Труфанов. Ук. соч. Рис. 3, 31; Стржелецкий и др. Ук. соч. Табл. XVI, 8.
78. Храпунов. Могильник Дружное... С. 59, там же аналогии.
79. Стржелецкий и др. Ук. соч. Табл. XVI, 7.
80. Нессель. Ук. соч. С. 114. Рис. 4, 1.
81. Стржелецкий и др. Ук. соч. Табл. XVI, 9.
82. Храпунов. Могильник Дружное... С. 58. Новые находки: Нессель. Ук. соч. С. 114. Рис. 4, 2–5; Стржелецкий и др. Ук. соч. Табл. XIV, 27.
83. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М., 1992. С. 15, 95. Рис. 54, 3.
84. Труфанов, Колтухов. Ук. соч. С. 288. Рис. 14, 8, 10.
85. Арсеньева Т.М. Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV – начала V в. н.э. // КСИА. Вып. 168. 1981. С. 45. Рис. 1, 6–8.
86. Храпунов. Ук. соч. С. 58, там же аналогии. Новая находка: Труфанов, Колтухов. Ук. соч. С. 288. Рис. 14, 3.
87. Храпунов. Могильник Дружное... С. 59.
88. Нессель. Ук. соч. С. 116, 118. Рис. 5, 3; 6, 7.
89. Стржелецкий и др. Ук. соч. Табл. XXIII, 12, 13.
90. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического в I–IV вв. н.э. Киев, 1982. С. 70. Рис. 45, 4, 6.
91. Высотская. Усть-Альминское городище... С. 79. Табл. 34, 1.
92. Стржелецкий и др. Ук. соч. Табл. XXI, 10.
93. Юрочкин, Труфанов. Ук. соч. С. 202. Рис. 29.
94. Неневоля И.И., Волошинов А.А. Два комплекса IV в. н.э. на могильнике Краснозорье // Поздние скифы Крыма. М., 2001. С. 143. Рис. 5, 2.
95. Пуздровский, Зайцев, Неневоля. Ук. соч. Рис. 5, 24.
96. Веймарн. Ук. соч. С. 39. Рис. 13, 14, 15.
97. Власов В.П. Лепная керамика из некрополя III–IV вв. н.э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 324.
98. Там же. С. 326.
99. Там же. С. 322, 335.
100. Там же. С. 339.
101. Там же. Рис. 9, 17.
102. См. напр. Там же. Рис. 6, 5, 9; 8, 6, 7; 9, 9, 14; 10, 16; 12, 12 и др.
103. Там же. С. 331. Рис. 3, 2, 3; Храпунов И.Н. Последние погребения в могильнике Нейзац // МАИЭТ. Вып. XI. 2005. С. 177. Рис. 10, 7; Зайцев, Мордвицева. Ук. соч. Рис. 9, 3.
104. Власов. Ук. соч. Рис. 3, 12; 4, 1, 5; 5, 14.

105. *Власов*. Ук. соч. С. 346; *Храпунов*. Последние погребения... С. 177. Рис. 10, 1, 2, 5; *Зайцев*, *Мордвинцева*. Ук. соч. Рис. 6, 9; *Веймарн*. Ук. соч. Рис. 14, 9; *Стржелецкий* и др. Ук. соч. Табл. XXX, 15.
106. *Власов В.П.* Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. X. 2003. С. 106.
107. *Храпунов*. Могильник Дружное... С. 56.
108. Там же. С. 56.
109. *Храпунов*. Погребение воина... С. 42, 43. Рис. 3, 1.
110. *Алексеева Е.М.*, *Арсеньева Т.Н.* Стеклоделие Танаиса // СА. 1966. № 2. С. 182. Рис. 4, 4.
111. *Храпунов*. Могильник Дружное... С. 57. Новые находки: *Пуздровский*, *Зайцев*, *Неволя*. Ук. соч. Рис. 5, 2; 12, 14; *Стржелецкий* и др. Ук. соч. Табл. 3, 5, 6; 12, 65; 28, 31.
112. *Сорокина Н.П.* Стекланные сосуды из Танаиса // Древности Нижнего Дона. М., 1965. Рис. 9, 2.
113. Там же. С. 217, 219; *Кунина Н.З.* Античное стекло из собрания Эрмитажа. СПб., 1997. С. 310. Кат. №№278, 279.
114. *Масленников А.А.* Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н.э. // ДБ. Вып. 3. М., 2000. С. 145, 172. Табл. II, 1.
115. *Jacenko E.G.* Glassgefäße der Römerzeit und Spätantike aus Tanais. Funde aus Grabungsareal XIX der Kampagnen 1993–2000 // Eurasia Antiqua. 2005. Bd. 11. P. 291. Abb. 5, 71.
116. Используется типология А.А. Стояновой разработанная специально для бус из могильника Нейзац (*Стоянова*. Ук. соч.).
117. *Стоянова*. Ук. соч. С. 272.
118. Там же. С. 274.
119. Там же. С. 289, 290.
120. Там же. С. 291, 292.
121. Там же. С. 292, 293.
122. *Tempelmann-Mączyńska M.* Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein, 1985. Тур 478. S. 86. Abb. 9.
123. *Храпунов И.Н.* Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // БИ. Вып. III. 2003. С. 344; *Стоянова*. Ук. соч. С. 292, 293.
124. *Храпунов И.Н.* Погребения детей в могильнике Нейзац // МАИЭТ. Вып. XII. Ч. 1. 2006. С. 187.
125. Определил и описал монету Н.А. Алексеенко, за что приношу ему глубокую благодарность.
126. *Храпунов И.Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. Вып. VI. 2004. С. 138–140.
127. Другие опубликованные не разграбленные склепы IV в. н.э.: №№1/1984, 3, 18, 21, 58, 66, 78, 84, 87 в могильнике Дружное (*Айбабин*. Раскопки могильника...; *Храпунов*. Могильник Дружное...), №№ 1–3 в могильнике Озерное III (*Лобода*. Раскопки могильника...), №№ 38, 51, 53 могильника Суворово (*Юрочкин*, *Труфанов*. Ук. соч.; *Зайцев*, *Мордвинцева*. Ук. соч.), №№ 2 (7), 3 (40) чернореченского могильника (*Бабенчиков*. Ук. соч.).
128. *Храпунов*. Могильник Дружное... С. 33.
129. *Юрочкин*, *Труфанов*. Ук. соч. Рис. 1А; 4, 56–58; 5, 59.

CRYPT OF THE 4th C. AD FROM THE BURIAL GROUND NEIZATZ*I.N. Khrapunov*

The burial ground Neizatz is located in the central part of the Crimean foothills. The results of excavation of one of the crypts are published in the article. The crypt 4 is interesting, first of all, for its design, the funeral ceremonies fixed at its excavation and also a set of funeral implements which are typical for the population of the Crimean foothills of the 4th century AD. Due to the fact that the crypt had not been plundered, and it is a rather rare case, it was possible to fix the position of skeletons together with various funeral inventories. The things found in the funeral chamber, have a set of analogies with the finds made at excavation of other Crimean burial grounds. They, as well as possible, characterize the material culture of the Crimean barbarians.

© 2008 г.

В.Д. Кузнецов

БОСПОРСКИЕ ЧЕРЕПИЧНЫЕ КЛЕЙМА
(НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ)

Ремесленное производство на Боспоре остается темой крайне плохо исследованной. Причина лежит на поверхности — практически полное отсутствие письменных источников. Археологические же материалы весьма неоднородны. Если они могут дать определенную информацию о самих ремесленных изделиях, о технологических процессах, то по вопросам организации производства значение данных археологии очень лимитировано.

Важной категорией письменных документов являются различного рода клейма, прежде всего на амфорах и черепицах. Если первая категория таких документов привлекает внимание исследователей уже давно, то оттиски на черепицах остаются в тени амфорных клейм. Во многом это связано с довольно ограниченным их количеством, которое несравнимо с числом клейм на амфорах различных производственных центров. Литература, касающаяся проблем организации производства черепиц, невелика. В этом отношении исследования боспорского черепичного производства можно считать счастливым исключением. Хотя публикаций на эту тему не так уж и много, можно уверенно говорить о том, что в отечественной науке господствует единая и вполне устоявшаяся точка зрения. В соответствии с ней производство черепиц на Боспоре по преимуществу находилось в собственности царствующего дома Спартокидов и приближенных к нему людей, наряду с которым существовало и некоторое количество частных мастерских. Наиболее полно эта точка зрения обоснована в работах В.Ф. Гайдукевича (см. ниже). Она принята всеми исследователями, которые касаются вопросов организации производства черепиц на Боспоре.